

На Краю Земли

Андрей Бондаренко

Дорога к вулканам

«Автор»

2013

Бондаренко А.

Дорога к вулканам / А. Бондаренко — «Автор», 2013 — (На Краю Земли)

Камчатка – призрачный, загадочный и таинственный Край. Чего тут только нет: реки и ручьи, полные рыбы, скалистые горы и покатые сопки, вулканы, извергающие раскалённую лаву и целые облака странного пепла, медведи – самых разных колеров, расцветок и нравов, многопрофильные армейские полигоны, узкоглазые хитрые шаманы. А ещё и тайные Порталы, ведущие в неизвестные Миры...

© Бондаренко А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

От Автора	6
Пролог	7
Миттельшпиль, середина Игры	8
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	31
Глава четвёртая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Бондаренко

Дорога к вулканам

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От Автора

Камчатка – призрачный, загадочный и таинственный Край.

Чего тут только нет: реки и ручьи, полные рыбы, скалистые горы и покатые сопки, вулканы, извергающие раскалённую лаву и целые облака странного пепла, медведи – самых разных колеров, расцветок и нравов, многопрофильные армейские полигоны, узкоглазые хитрые шаманы.

А ещё и тайные Порталы, ведущие в неизвестные Миры...

Пролог

– Гав-ввв, – выслушав рассказ хозяина, высказался Клык, мол: – «Печальная, всё же, история произошла на мысе Верпегенхукен¹. Печальная, странная, призрачная и фатальная². Соболезную... Значит, покидаем славный архипелаг Шпицберген? Всё понимаю. И даже больше... Хочешь сменить обстановку? Чтобы немного встряхнуться и очень многое обдумать? Очень-очень многое? Понятное и полезное дело... И куда же мы с тобой, приятель, переезжаем? Если не секрет, конечно?».

– В Россию, – помолчав немного, ответил Тим. – Это очень подходящее место для планируемых мероприятий... Куда конкретно? На северо-восточный полуостров Камчатка, в бывший Корякский автономный округ. Там недавно был открыт опорный пункт нашего «Фонда охраны дикой природы». Тебе, брат хвостатый, на Камчатке обязательно понравится. Обещаю. Дикий и вольный край. В том смысле, что – Край, с самой большой буквы, без дураков. И подраться будет с кем. Да и с собачьим женским полом никаких проблем-вопросов не возникнет. Оторвёшься по полной и развёрнутой программе, обещаю...

– Гав?

– Наш славный «Bidulm-50»³? Оставим здесь, в Нью-Олесунне⁴. Увы... Я уже заплатил за двухгодичную аренду ангара. Да и мой любимый «Winchester Model 1912 (1934)» двадцать восьмого калибра пусть здесь повисит, на ангарной стенке. Ну, не любят в России гостей с огнестрельным оружием. Тем более, с коллекционным. Замучаешься все надлежащие разрешения-справки выправлять. Плавали – знаем.

– Гав?

– Да, два года. Быстрее, скорее всего, не получится. Извини. Но мы ещё вернёмся сюда, на острова. Обязательно. Обещаю.

– Гав?

– Медноволосая и зеленоглазая Илзе Вилкаст? Не знаю, братец, честное брутальное слово. Тут, уж, как получится. Время всё обязательно расставит на свои места. Непременно – расставит... Кстати, Клык. Придётся тебе, друг мой закадычный, познакомиться с намордником. Без него, к великому сожалению, в вертолёт не пустят. А потом, когда настанет очередь самолётов, нужно будет, и вовсе, залезать в специальную клетку... Ты как? Вытерпишь?

– Гав, – покорно откликнулся пёс-хаски, мол: – «А куда же я денусь с этой подводной лодки? Выбора-то нет. Надо, значит, надо. Ничего. Перетерплю и перебудую как-нибудь. Чай, не впервой...».

¹ Мыс Верпегенхукен – самый северный мыс острова Западный Шпицберген.

² О произошедшем подробно рассказано в первом романе серии – «Брутальный и упрямый».

³ «Bidulm-50» класса Е-16 – мотодельтаплан французского производства.

⁴ Нью-Олесунн – научно-исследовательский посёлок на острове Западный Шпицберген.

Миттельшпиль, середина Игры

А, вот, с подходящей для гидромотоделътаплана посадочной площадкой образовались незапланированные трудности. То бишь, сплошные леса, густые кустарники, травянистые луга, горы, нагорья, горушки, топкие болота и островерхие скалы.

Была, конечно же, ещё и река, ненавязчиво огибавшая Сиреневый распадок с юго-востока. Только очень уж извилистая и петлистая. Да и мелкими островками усеянная по самое не балуйся. На такую приводняться – с жизнью распрощаться...

Только со второго захода Тим высмотрел-таки светло-изумрудное озерцо, расположенное в кратере низенького (значит, очень и очень древнего), вулкана.

Подходящее такое озеро, удобное. Метров сто двадцать в диаметре. Может, и все сто сорок. Приводниться на такой площадке, да ещё и в условиях полного безветрия – не вопрос. Раз, два и всё...

Но это если приводняться на стандартном и надёжном «Bidulm-50». А если на пошлой рукотворной самоделке, собранной сугубо на основании «интернетовских» инструкций и чертежей?

Тут, уж, как повезёт.

Приводнились, понятное дело. Вернее, успешно плюхнулись...

– Нормальный вариант, – смахнув с лица озёрные изумрудные брызги, подытожил Тим. – Могло обернуться и гораздо хуже. А так-то что? Дюралевая рулевая планка слегка погнулась? Выправим. Правый пластиковый поплавок пробило? Подлатаем, предварительно воду откачав. Не вопрос. Только уже потом. На обратном пути.

– Гав! – оптимистично подтвердил из своего кресла Клык, мол: – «Прорвёмся – на раз! Мать его... Якори, братец, нашу славную птичку. Рюкзак вынимай из багажной сетки. Карабин извлекай из прорези. И, главное, ремни, меня держащие, расстёгивай...

Они выбрались из кратера вулкана, ободрав в кровь ногти и когти, минут за сорок пять. Выбрались и, слегка осмотревшись, направились в нужную сторону.

– Прямо-таки полноценная экскурсия, посвящённая местной флоре и фауне, получается, – бодро шагая по чуть заметной тропе, комментировал Тим. – Ну, сам, Клык, посмотри, как деревья перемешаны между собой. Лиственница охотская. Ель аянская. Пихта грациозная. Тополь душистый. Черёмуха азиатская. Рябина камчатская... Ну, как я подготовился к этой поездке? Не зря столько времени провёл в Интернете? То-то же... Опа! Грибы. Подосиновики. Подберёзовики. Маслята. Моховики. «Колосовики», понятное дело, самый первый слой... Да и с ягодой здесь всё в полном порядке: жимолость, голубика, водяника, смородина-дикуша, клоповка⁵, костяника... Серые куропатки активно перепархивают в низеньких кустиках. Рыжая белка рассерженно цокает, свешиваясь с толстой сосновой ветки. А вон упитанный тарбаган прошмыгнул...

Вскоре впереди показалась река, за которой и находился искомый Сиреневый распадок.

– Солидный такой водоток, – выйдя на низкий речной берег, сообщил Тим. – Шириной метров тринадцать-пятнадцать будет, течение приличное, да и глубиной, судя по всему, не обделён. Пятнистая форелька задорно плещется. А, быть может, и молодёжь камчатского гольца... Ладно, не беда. Будем готовиться к форсированию. Точка.

Он оперативно разделся до трусов, сложил сапоги и одежду в тощий рюкзак, а его – в свою очередь – пристроил, придерживая левой рукой, на голове. После этого поднял вверх правую руку, в ладони которой было зажато ложе карабина, и, набрав полную грудь воздуха, вошёл по щиколотку в серо-голубоватую воду.

⁵ Клоповка (красника) – кустарник из рода Вакциниум семейства Вересковые.

– Холодная какая! – непроизвольно охнул-выдохнул Тим. – И слепни с оводами, сволочи оголодавшие, жалятся безбожно... Клык, а ты почему не переправляешься? Ждёшь отдельного приглашения?

– Гав! – сердито отозвался хаски, бело-чёрная холка которого значимо встопорщилась, образовав боевой гребень. – Гав-в!

– Звериным духом, говоришь, несёт? Причём, очень и очень? Практически нестерпимо?

– Ры-ы-ы! – донеслось с противоположного берега, и из густого раkitника на овальную полянку вывалил огромный буро-пегий медведь.

Вывалил, поднялся на дыбы, активно замахал передними когтистыми лапами и, выставив на всеобщее обозрение огромные жёлто-чёрные клыки, угрожающе заблажил:

– И-и-и! Оу! Ры-ы-ы-ы!

– Ры-ы-ы-ы. Оу-у-у-у..., – разнеслось над рекой.

Чуткое камчатское эхо подключилось к процессу?

– Если бы, блин горелый, эхо, – повертев головой по сторонам, недовольно пробормотал Тим. – Вон, на длинной каменной гряде, ещё парочка рыжих мишек устроилась. И в узкой лощине, поросшей молоденькой лиственницей, чуть заметно колыхнется чёрное пятно. А вон ещё... И все они, как один, активно упражняются в медвежьих гаммах. Какофония сплошная, очень неприятная для ушей... Сколько же их здесь? Один, два, три..., восемь, девять... Штук пятнадцать будет. Не меньше. Охренеть и не встать...

Он неторопливо вышел из воды, сбросил рюкзак на тёмно-жёлтый песок и, взяв карабин двумя ладонями, звонко клацнул затвором.

Медвежья блажь, словно по чьей-то команде, стихла.

– Гав, – окончательно расстроился Клык, мол: – «Попрятались, суки рваные. Вернее, по засадам затихарились, морды клыкастые... И что теперь, братец, делать? А?».

– Не знаю, – неуверенно передёрнул плечами Тим. – Пальнуть пару раз в ту сторону, дабы напугать этих косолапых уродов? Во-первых, мудрый внутренний голос мне любезно подсказывает, что они не испугаются. Во-вторых, Ворон услышит звуки выстрелов и непременно насторожится. А хотелось бы, как и планировали, нагрянуть к нему в гости внезапно, словно осенний снег на голову... Ладно, придётся, судя по всему, искать другие пути. Насквозь обходные и альтернативные, понятное дело... Да, не соврал тогда Михась. Похоже, что камчатские медведи, действительно, жмутся к жилищу Скрывающего Ворона. И мало того, что жмутся, так ещё и его шаманский покой старательно оберегают.

– Гав.

– Предлагаешь подумать о возвращении в Ключи? Мол, день рождения, праздничный стол, гости и всё такое прочее? Пожалуй, ты прав, старина. Двигаем к «Ласточке». Точка на сегодня...

Глава первая

Негостеприимный город и человек-паук

Самолёт, вылетевший почти девять с половиной часов тому назад из Москвы белокаменной, заложив широкую обзорную дугу, подлетал к Петропавловску-Камчатскому.

Сперва – в иллюминаторе – над горизонтом поднялся величественный конус вулкана, увенчанный белой шапкой снегов. Потом внизу появилась знаменитая Авачинская бухта, освещённая нежными лучами утреннего солнышка, на одном из берегов которой и располагался город.

«Нормальный такой городок», – мысленно одобрил Тим – «Разместился по склонам трёх покатых сопок – Мишенной, Петровской и Никольской. Есть и обычные городские дома, в основном, панельные пятиэтажки. Но много и частных малоэтажных строений, сбившихся в компактные районы и райончики... Сама же бухта, честно говоря, особого впечатления не производит – весь берег усеян какими-то грязно-серыми длинными и волнистыми полосками. Неужели, гниющими водорослями? Над разнокалиберными мусорными кучами активно кружат стаи наглых и упитанных чаек, а по морю гуляют, хищно облизывая многочисленные ржавые корабельные скелеты, светло-жёлтые волны. Очень грустное и откровенно-пессимистичное зрелище, сами собой возникают навязчивые ассоциации, связанные со старым заброшенным кладбищем...».

Самолёт совершил более-менее мягкую посадку. Хриплый мужской баритон, не обременя себя излишней вежливостью, пригласил на выход.

Тим – одним из последних, как и всегда – спустился по старенькому ржавому трапу, втянул носом воздух и непроизвольно зажмурился от удовольствия: пахло близким-близким морем (вернее, Океаном), и безграничной свободой. Точно так же, как и на Шпицбергене. Практически один в один.

Он открыл глаза, с любопытством огляделся по сторонам и восхищённо помотал головой – здешние пейзажи однозначно впечатляли и завораживали.

– Да, по окружающим природным красотам этот аэропорт находится вне конкуренции, – понимающе хмыкнул пожилой упитанный дядечка, стоявший рядом и похожий (по всем визуальным признакам), на мирного и мечтательного бухгалтера. – Невероятно-изысканные и, воистину, незабываемые картинки. Покатые сопки и высоченные горы, разбавленные вулканами, подступают со всех сторон. Раз вулканчик, два, три, четыре... А над самым высоким из них и светло-серый дымок поднимается в безоблачное ярко-голубое небо. Лениво так поднимается, безо всякой угрозы. И погода нынче хороша. Июль месяц для Камчатки – самое оно. Сейчас почти что полдень, а температура окружающего воздуха находится на уровне двадцати двух-трёх градусов тепла. И днём так же будет, и вечером. И завтрашним утром... Ночью? Ну, похолодает, естественно, на несколько градусов. Но не резко так, то есть, почти незаметно для восприятия. Благодать неземная и идеальная, короче говоря. Помидоры, огурцы, кабачки и тыквы сейчас на дачных участках прут – не остановишь... Вон, какие яркие цветы на газонах. Почти как в субтропических джунглях... Но на этом, впрочем, вся приятность данного аэропорта и исчерпывается. Дальше всех нас ожидают лишь сплошные неприятности и хронические неудобства.

– Какие конкретно? – поинтересовался Тим, во всём любящий чёткий и однозначный порядок.

– Да самые различные, – прозвучал невозмутимый ответ. – Но неприятные и гадкие, извините, до стойкой и хронической блевотины...

То ли дородный дядечка сглазил, то ли так, действительно, было принято на Камчатке, но неприятности не заставили себя долго ждать – налетели, окружили со всех сторон, завертели и запутали.

Примерно в трёхстах пятидесяти метрах от самолёта располагалось серое трёхэтажное здание аэропорта, к которому и потянулись пассажиры прибывшего рейса.

– Эй, народ, стоять! – надсадно прокричал через старенький мятый мегафон низенький человечек, облачённый, не смотря на тёплую летнюю погоду, в тёмно-синюю толстую шинель. – Куда поёрлись без моей команды? А? Ну, чисто стадо горных баранов, прости Господи! Олухи царя небесного и придурки законченные...

– Мы – бараны, а ты, значит, местный пастух? – уточнил упитанный дядечка-бухгалтер.

– Что такое? – буквально-таки закипел тип в шинели. – Отставить разговорчики! До вечера хотим здесь задержаться? Вот, я вас, уродов столичных... Молчать, твари!

И Тим, послушавшись, разговаривать не стал. Он просто неторопливо подошёл к индвидууму в шинели и – толстой подошвой ботинка – отвесил под его зад крепкого пендаля.

– Ой, больно-то как. Ой, мамочка моя..., – безвольно присаживаясь на лётное поле, заблажил человечек. – Что это было?

– Ничего особенного, – язвительно усмехнулся Тим. – Обыкновенный урок вежливости. В следующий раз перед тем, как грязно выражаться и безвинных людей оскорблять, подумаешь... Ну, и куда нам идти?

– Ик...

– Успокойся, родной. Жить будешь. Куда топать-то?

– Направо, вдоль забора. Ик... Там железные ворота будут.

– Открытые, хоть?

– Распахнутые, – испуганно моргая реденькими ресницами, заверил человечек в шинели. – Ик...

– И на том, конечно, спасибо. Отдыхай, братец. Набирайся сил. Всех благ. Точка.

Двухстворчатые ярко-жёлтые ворота, действительно, оказались распахнутыми настежь. А над ними красовался старенький плакат-растяжка с надписью, выполненной блёкло-чёрными буквами: – «Добро пожаловать!».

– Очень мило, – негромко прокомментировал Тим. – Так и навевает – чёткую и мало-приятную ассоциацию.

– Какую именно, молодой человек? – заинтересовался всё тот же пожилой дядечка, шагавший рядом.

– Ну, как же. Плакат аналогичного содержания, если память мне не изменяет, располагался над жёлтыми воротами концлагеря Аушвиц-Биркенау.

– Однако. Богатая у вас, юноша, фантазия. Проходим через ворота. Проходим... Меня, кстати, зовут – Александр Александрович Дунаев. Можно и по-простому – Сан Саныч. Главный инженер «Безымянного геологического треста».

– Очень приятно, – улыбнулся Тим.

– Что такое? Почему вы так улыбаетесь?

– Как – так? И не надо, ради Бога, мне «выкать». Молод я ещё.

– Э-э-э... Хищно, вот как.

– Насколько я в курсе, «Безымянный геологический трест» решил построить полноценную дорогу – от одноимённого золоторудного месторождения в сторону тихоокеанского побережья. Мол, для перевозки тяжёлого и громоздкого оборудования будущей горно-обогачительной фабрики. Это так?

– Ну, в общем-то... А почему, молодой человек, вы интересуетесь этим вопросом?

– Тимофей Белофф, старший инспектор «Фонда охраны дикой природы», ЮНЕСКО. Прозвище – Брут. Прибыл на Камчатку в качестве замены старшего инспектора Томаса Грина.

Буду, как раз, курировать район полуострова, где протекает Безымянная река. В том числе, и старательно надзирать за строительством вашей дороги – в плане нарушений (или же их отсутствия), природоохранных норм и правил, а также российского и международного природоохранных Законодательств. Так что, будем работать вместе.

– Ай-яй-яй, – всерьёз запечалился Сан Саных. – Как же так? Вот же, непруха голимая...

– Получается, что вы мне не рады?

– Совсем не рад. Врать не буду. Ни капли.

– Почему?

– Потому, парниша. Больно уж ты крут. С такими упрямыми и прямолинейными гавриками трудно договариваться о чём либо. Многократно проверено. В плане разумных компромиссов договариваться, я имею в виду.

– Почему же – трудно? – насмешливо улыбнулся Тим. – Невозможно, если по-честному. Терпеть ненавижу – компромиссы. Точка... А Томас Грин? Он шёл на компромиссы?

– Томас? Он и был-то у нас на месторождении всего один раз. Повертелся-покрутился минут сорок-пятьдесят, а потом забрался на броню и укатил.

– На броню? Это как?

– Так у нас принято выражаться, – непонятно вздохнув, объяснил Сан Саных. – То бишь, на броню вездехода. Другими видами транспорта до Безымянного месторождения пока не добраться. Не считая вертолёта, понятное дело... Почему, именно, на броне? Можно, конечно, и внутри, если есть такое дурацкое желание. Но больно уж там жарко и душно. Да и комары донимают... Ага, вон и он, мистер Грин. Тебя, молодчик brutalный, надо полагать, встречает. Ладно, пока. Встретимся уже на месте. То есть, на строительстве дороги.

– Встретимся, понятное дело. Не вопрос...

Томас Грин – высокий и тощий шатен среднего возраста, приветственно помахав рукой, завопил на всю округу на английском языке:

– Брут, бродяга! Сколько лет, сколько зим! Давай, я тебя по плечам похлопаю.

– Хлопай, не вопрос, – разрешил Тим. – Сколько лет, спрашиваешь? Да, почитай, уже года три с половиной, как не виделся. Помнишь, как славно мы тогда, в Амстердаме, покуролесили?

– Помню, конечно, – тревожно оглядываясь по сторонам, засмущался Томас. – Разве такое позабудешь? Кошмар развратный и бескрайний. Как вспомню, так вздрогну...

– Да, ладно тебе. Давай краба, пожму.

– О-у-у!

– Что такое?

– То же, что и всегда. У тебя – по-прежнему – не ладошка, а самые натуральные клещи кузнечные.

– Извини, приятель, – повинулся Тим. – В следующий раз постараюсь быть поаккуратней... Ну, что, пошли в здание?

– Зачем?

– Багаж хочу получить. И клетку с псом.

– Ты и Клыка приволок с собой? – обрадовался Томас. – Просто замечательно и очень кстати. Его чуткий собачий нос может нам здорово пригодиться... А идти никуда и не надо. Багаж сюда вывезут, вон из тех зелёных ворот.

– Прямо на улицу? Здесь даже навеса нет. А если, не дай Бог, дождик закапает?

– Данный нюанс никого не волнует. Никого из местного начальства, я имею в виду. По крайней мере, весной, летом и осенью. И вообще, местный аэропорт, чтобы ты знал, является самым бестолковым аэропортом в Мире... Давай-ка, отойдём в сторонку и перекурим.

– А как же багаж?

– Повторяю ещё раз – самый бестолковый и бардачный аэропорт в Море. Поэтому в ближайшие сорок-пятьдесят минут багажа не будет. Даже и не надейся. Бесполезно...

Они отошли от толпы пассажиров рейса «Москва – Петропавловск-Камчатский» метров на сто пятьдесят, к неуклюжему забору, смонтированному из длинных алюминиевых профилей, и закурили.

Рядом располагалась высокая горка, сложенная из пустых деревянных ящиков, беспорядочно набросанных друг на друга. Впрочем, шесть ящиков были аккуратно составлены – боковыми плоскостями – друг к другу, и на этом подобии «диванчика» обнаружился неизвестный оборванец. Он возлежал на спине и, задрав жиденькую пегую бородёнку вверх, заливисто и беззаботно посапывал.

– Никак, бомж? – мимолётно улыбнулся Тим. – А я уже и подзабыл – как они, родимые, выглядят.

– Бич, – поправил дотошный Томас. – Это, извини, две большие разницы. Для тех, кто понимает, конечно. Как любит (обожает, так-таки!), выражаться в своих бессмертных «нетленках» великий и ужасный Александр Бушков.

– Александр Бушков? А кто это такой?

– Ну, ты, Брут, и даёшь. Темнота не культурная. Сразу видно, что уже лет десять не был на Родине.

– Почти пятнадцать.

– Это, конечно, многое объясняет... Так вот, Бушков – отличный русский писатель. Практически культовый. Даже я, будучи иностранцем, зачитываюсь его динамичными и оригинальными романами – и о реалиях современной России, и о различных фантастических Мирах. Впрочем, дело совсем и не в этом... Бич? А пусть себе спит. Он нам не мешает. Да и говорим мы на английском...

– Как ты сказал? – заинтересовался Тим. – Мол, дело совсем и не в этом? А в чём же тогда? И ещё. Про Клыка тобой тоже был выдан приметный перл. Мол: – «Его чуткий собачий нос может нам здорово пригодиться...». Нам? Я же, вроде, прибыл сюда тебе на замену? Или как?

– Ну..., э-э-э..., – озабоченно повертев головой, замялся Томас. – Я, действительно, сегодня вечером вылетаю в Москву, а уже там переседаю на ближайший рейс до Парижа. Да, свои нынешние должностные обязанности я перекладываю, Брут, на тебя. Старательно надзираю за здешними природными объектами, находящимися под опекой ЮНЕСКО. Не за всеми, конечно, а только за теми, которые расположены в северных районах полуострова, примыкающих к Корякскому нагорью. Это она и есть – моя, то есть, уже твоя зона ответственности... Впрочем, обо всех тонкостях и нюансах тебе в здешнем Представительстве нашего Фонда подробно расскажут. Отвезу, познакомлю, в гостиницу вас с Клыкком заселю. А после этого вновь отбуду в аэропорт. Далее – в Москву и Париж.

– Заканчивай мне зубы заговаривать, – посоветовал Тим. – Что тут у вас происходит?

– Да, собственно, ничего...

– А почему же тогда ты, бродяга худосочный, постоянно оглядываешься по сторонам, словно бы опасаясь чего-то? Или же кого-то? Давай, соберись с мыслями. Или там с духом. Соберись и всё расскажи.

Грин, выбросив окурок под забор, тут же закурил новую сигарету. Делал одну глубокую затяжку за другой, задумчиво шурился и молчал.

А Тим и не думал его торопить. Зачем? Всё в этом Море должно развиваться естественным путём, без нудных понуканий и избыточного насилия. В том смысле, что в идеальном случае...

Вокруг было тихо, только наглый оборванный бичара, вольготно устроившись на пустых деревянных ящиках, залиvisto похрапывал во сне, да где-то вдалеке, за алюминиевым забором, изредка покрикивали ленивые камчатские чайки.

Наконец, Томас, докурив очередную сигарету до самого фильтра, решился-таки на откровения и монотонно забубнил:

– Понимаешь, Брут, я здесь обнаружил одну странную штуковину. По-настоящему странную, по-глобальному.... Ну, в том плане, что это моё неожиданное открытие может всё перевернуть с ног на голову. Причём, всё-всё-всё. То бишь, фундаментальное мировоззрение всего нашего человечества на картину общего мироустройства... Понимаешь?

– А то, – заверил Тим. – Понимаю, понятное дело. Без вопросов. Причём, железобетонно, как любит выражаться одна зеленоглазая и ужасно-симпатичная прибалтийская ведьмочка. Продолжай, братец. Продолжай...

Про себя же он подумал: – «Тоже мне, второй бином Ньютона. Мол, окружающий нас Мир гораздо сложнее и многогранней, чем это принято считать... Конечно же, ясен перец, сложнее. Я, например, совсем недавно лично убедился в этом. Там, на суровом Шпицбергене, повстречавшись с путешественниками во Времени, прибывшими к нам из далёкого двадцать восьмого века. Бывает, как выяснилось. Правда, ничем хорошим эта встреча не завершилась...».

– Нечего – продолжать, – вновь «спрятался в раковину» Томас. – Всё настолько глобально и серьёзно, что я до сих пор, понимая, что реально запахло Нобелевской премией, ещё ни с кем не делился конкретной информацией. Только руководству «Фонда защиты дикой природы» и ЮНЕСКО сделал несколько призрачных намёков. Вот, и получил вызов на начальственный парижский ковёр.

– А чего не делился-то?

– Нельзя, Брут, о таком сообщать всеу. Ну, там по телефону или по электронной почте.

– А как надо? – проявил настойчивость Тим.

– Только при личной доверительной беседе, плотно закрывшись в надёжном бункере. Подчёркиваю, в очень надёжном бункере, предварительно многократно проверенном на предмет отсутствия «прослушек» и прочих шпионских гадостей.

– Значит, следуешь в Париж, чтобы сообщить лично госпоже Председателю Исполнительного совета о своём сногшибательном и невероятном открытии? Или же, наоборот, лично госпоже Генеральному директору Секретариата?

– Лучше – сразу обеим, для пущей надёжности и дополнительного спокойствия. А ещё я им и всякие фотки покажу, заснятые на мобильник. Обеим сразу...

– Понятное дело. Перестраховываешься, братец. Одобряю... А потом, проведя встречу на высшем уровне, ты надеешься вновь вернуться на Камчатку? Только уже совсем в другом статусе? Мол, руководящие дамы, проникнувшись всей важностью совершённого открытия, придумают для тебя, везунчика, особую должность с практически-неограниченными полномочиями и взрослым финансированием?

– Хотелось бы, конечно, именно такого развития событий, – неуверенно шмыгнув носом, признался Томас. – Причём, как минимум... О, багаж начали выдавать! Пошли...

Вскоре рюкзак и два кожаных баула Тима были успешно получены.

А, вот, с Клыкком образовалась небольшая заминка. То есть, с его вызволением из ветеринарного изолятора аэропорта.

Как только пассажиры рейса «Москва – Петропавловск-Камчатский», получив багаж, отправились в сторону автостоянки и автобусной остановки, из неприметной боковой дверки здания аэропорта вышел плотный высокий мужчина в форменном таможенном кителе и, солидно откашлявшись, зычным голосом поинтересовался:

– Кто здесь будет – канадский подданный Тимофей Белофф? Понятно. Говорите по-русски? Просто замечательно. Прошу, мистер, пройдёте в мой кабинет. И все документы на своего пса захватите... А это ещё кто такой? Здешний приятель? Хорошо, пусть тоже пройдёт – для полного комплекта и лучшего взаимопонимания...

Они, подхватив рюкзак и два баула, естественно, прошли.

Таможенник, оказавшийся местным ветеринарным инспектором, уселся за обшарпанный письменный стол, поюлил немного, слегка повешал на уши посетителям длинной лапши (то есть, вкратце рассказал о строгом и жёстком российском Законодательстве, регламентирующим ввоз в страну диких и домашних животных), после чего – беззастенчиво и буднично – начал вымогать крупную взятку в иностранной валюте.

– Я, если смотреть правде в глаза, буду даже покруче вашего знаменитого Верещагина. Ну, того, который так и не ушёл с баркаса, – плотоядно улыбаясь и демонстративно сжимая-разжимая пудовые кулаки, сообщил Тим. – Это в том глубинном смысле, что он мзду не брал, а я и не беру, и не даю. Зато морды и хари в полную труху разбиваю – на раз. А ещё и головы лихо вбиваю в плечи. Причём, по самые уши.

– Но-но, господин иностранный подданный, полегче, – на всякий случай отодвигаясь вместе со стулом, забеспокоился таможенник-ветеринар. – И не таких видали. Сейчас, вот, кликну полицейских...

– Кликни-кликни, служивый. Сделай такую милость. Будем разбираться по полной программе. Со всеми сразу...

– Перестаньте, балаболы хреновы, чушь пороть, – продемонстрировал великолепное знание русского языка Томас. – Обойдёмся, на этот раз, без мордобоя и полиции. Сейчас я позвоню здешнему вице-губернатору и всё улажу.

И он, достав из кармана джинсовой курточки тёмно-зелёный брусок мобильного, действительно, позвонил камчатскому вице-губернатору.

Вежливо поздоровался. Представился. Пожелал долгих лет жизни и хорошей погоды. Рассказал о высокой миссии ЮНЕСКО в Мире. Напомнил о Соглашении, заключённом между этой организацией и Россией, и подписанном, между прочим, с российской стороны Премьер-министром Дмитрием Медведевым, а также об интервью, недавно показанном по Первому телевизионному каналу, в котором вышеозначенный Премьер-министр пафосно обещал оказывать сотрудникам ЮНЕСКО, работающим на территории России, полномасштабную помощь. А после этого пошло нажаловался на работников таможни аэропорта Петропавловска-Камчатского, которые, судя по всему, совершенно разучились мышей ловить, так как, очевидно, телевизора совсем не смотрят...

Закончив кляузничать, он передал мобильный телефон откровенно-загрустившему таможеннику.

«Пошёл процесс», – мысленно ухмыльнулся Тим. – «Господин вице-губернатор орёт так, что даже мне слышны его отдельные фразы. Матерные, понятное дело. Несчастный «ветеринар» вытянулся в струнку, постоянно громко сглатывает слюну и, того гляди, описается от страха... Эх, Россия-матушка! Проходят годы, десятилетия и века, а ничего не меняется. Ну, совершенно ничего. Всем правит, как и прежде, Его Величество Начальственный Окрик. Мать его... А если Окрика не последовало? Ну, тогда, понятное дело, можно творить всё, что угодно. То бишь, беззастенчиво «доить» клиента по полной программе, призвав на помощь – в случае необходимости – и доблестную российскую полицию, которая, наверняка, находится в доле...».

Уже через десять минут они покинули аэропорт.

– Гав-в, – пожаловался Клык.

– За весь долгий полёт тебе даже воды ни разу не предложили? Вот же, гады дешёвые и жмоты копеечные, – искренне возмутился Тим. – Томас, надо пса срочно напоить.

– Напоим, – пообещал Грин. – Рядом с автостоянкой, где припаркована моя верная «железная лошадка», ручей протекает...

Автостоянка располагалась в двухстах пятидесяти метрах от корявого забора, ограждавшего территорию аэропорта.

– Какая же это автостоянка? – удивился Тим. – Сплошная красно-коричневая глина, усеянная крупными камнями, да обширные лужи того же паскудного цвета. И машин всего-то три. Зато злющих комаров – до беса... Слушай, а что это такое?

– Где?

– Ну, вон за этой – якобы – автостоянкой. Двухметровая тёмно-зелёная стена. На лес, вроде бы, не похоже... Что это такое?

– Местная трава, – ухмыльнулся Томас, довольный произведённым эффектом. – То бишь, обыкновенный камчатский травянистый луг. Причём, травка-то совсем и невысокая...

– Гав!

– Извини, старина. Заболтался я немного... Вот, к этой тёмно-зелёной стене и беги. Там, на границе автостоянки и луга искомый ручей и протекает. Водичка хорошая, чистая, луговая.

Клык, нетерпеливо помахивая пышным хвостом-кренделем, резво убежал в указанном направлении.

– Пошли, Брут, к моей самоходной карете, – предложил Томас. – То бишь, вон к той подержанной красной «Тойоте». Тем временем, продолжаю... Итак. Трава в этом месте относительно невысока. Во-первых, сейчас только середина июля. Во-вторых, город совсем рядом, что, естественно, тоже накладывает свой негативный отпечаток. А вот в конце августа – в южных районах полуострова – полевое разнотравье и до четырёх метров вымахивает. И названия у этих трав-цветочков весьма звучные и романтические, – перешёл на русский язык: – Борщевик сладкий, лабазник камчатский, дудник медвежий, какалия камчатская, страусопер обыкновенный... Ещё здесь растёт папоротник орляк. По внешнему виду – самый обыкновенный папоротник, которого много и в наших канадских лесах. Только съедобный. Да-да, местные аборигены его с удовольствием кушают. И в солёном виде, и в маринованном, да и в различные салаты щедро добавляют. Более того, на Камчатке ни одно серьёзное застолье традиционно не обходится без блюд из папоротника... Черешок папоротника носит красивое название – «рахис», а сам лист называется – «вайя», что в переводе (извини, но не знаю с какого языка), означает – «пальмовая ветвь». В пищу употребляют только рахисы орляка, причем, в то время, когда листовая пластинка еще находится в зачаточном состоянии. На Камчатском полуострове верным ориентиром для сбора рахисов служит массовое цветение ландышей...

Только когда минут через семь-восемь вернулся Клык, Грин прервал своё развёрнутое ботаническое повествование.

– Гав-в-в, – объявил пёс-хаски, мол: – «Хороша водица, ничего не скажешь. Только оводов и слепней над ручьём вьётся, на мой собачий взгляд, многовато...».

– Вот же он, тот козёл, что нас утречком подрезал! – раздалось в отдалении. – Стоит рядом с красной «Тойотой».

– Точно, он! Гнида сутулая..., – и тут же последовала длинная и доходчивая матерная тирада.

Тим резко обернулся. К ним приближалась живописная и рассерженная троица: молодые широкоплечие люди, облачённые в кожаные жилетки, спортивные мешковатые штаны и разноцветные кроссовки. Один из молодчиков многозначительно сжимал в смуглых ладонях солидную бейсбольную биту.

– Ну, вот. И здесь то же самое, – подбирая с глинистой почвы увесистый булыжник, пробормотал Тим. – Клык, дружище, придётся поработать немного...

– Гав! – понятиливо отозвался пёс и, угрожающе «вспучив» чёрно-белую холку, устремился вперёд.

- Рры-ыыы!
- Вован, волк! Обходит, обходит! Зубы, тварь, скалит...
- Рры-ыыы!
- Мать его, сволочь вёрткую! Ой...
- Осторожнее!
- Рры-ыыы!

Тим прицелился и сильно метнул булыжник в ярко-зелёный пластиковый бак для мусора, установленный метрах в пятнадцати.

– Бам-м-м! – разнеслось на всю округу.

– Дрын-дрын-дрын..., – это пластиковый бак весело закувыркался по камням, выступавшим из глины.

- Рры-ыыы!
- Сволочь!
- Рры-ыыы!
- Уходим...

«Тойота», тоненько взвизгнув покрывками, резко тронулась с места.

– И кого же это, братец, ты подрезал с утра?

– Гав? – сдублировал Клык.

– Ничего такого не было и в помине. Я, чтобы вы знали, самый дисциплинированный водитель на свете, – аккуратно вертя баранку, хмуро откликнулся Томас. – Обычные камчатские хулиганы. Не более того. Или, что вернее, мелкие уличные грабители.

– Ну-ну. Как же...

– Что ты имеешь в виду, Брут?

– То и имею. Этих субчиков кто-то подослал к тебе.

– Зачем?

– Наверное, чтобы покалечить, – лениво зевнул Тим. – Или даже чтобы убить. Этот «кто-то», по всей видимости, очень не хочет, чтобы ты вылетел в Париж и трепал там своим длинным языком.

– Гав! – поддержал с заднего сиденья Клык, мол: – «Так оно всё и есть. Мы с приятелем в этих делах разбираемся. Собаку, можно сказать, съели на таких мутных и скользких ситуациях...».

– Ерунду говорите... Вот же, чёрт!

– Что случилось?

– Белый «Жигуль», он и утром, когда я ехал в аэропорт, висел на хвосте. И сейчас вновь нарисовался.

– Вот, и я о том же толкую... Кому же, братец, ты со своим глобальным открытием оттоптал любимый мозоль, а? Может, всё-таки, поделишься секретной информацией?

– Гав?

– Не сейчас, – помолчав с минуту, принял решение Томас. – Вот, когда вернусь из Парижа – тогда.

– Ну, как знаешь. Хозяин – барин...

– Кстати, видишь, вдоль дороги симпатичные и приодетые девчонки неторопливо прогуливаются? Это – местные проститутки. Совсем даже и недорогие, если подходить к вопросу с европейскими мерками... Ты же, Брут, по-прежнему пользуешься услугами жриц любви?

– Нет, уже не пользуюсь, – брезгливо поморщился Тим. – Прошли те развратные времена. Навсегда. Точка.

Машина, преодолев порядка двадцати семи-восемью километров, въехала в город.

«Ага, проезжаем мимо торгового порта», – принялся мысленно комментировать Тим. – «Сплошные складские ангары и бараки, из-за которых торчат корабельные мачты. Через открытое автомобильное окошко остро пахнуло морем. Вернее, йодом. То бишь, гниющими водорослями, выброшенными активным прибоем на низкий камчатский берег... Надсадно гудит старенький портовый кран, местами покрытый толстым слоем тёмно-коричневой ржавчины, солидно пытит невидимый трудяга-буксир... А белый «Жигуль», тем временем, всё так же надоедливо маячит сзади. Не к добру это, ей-ей... Так-с, порт остался позади. А сейчас мы въезжаем... Куда, интересно, въезжаем?».

– Капай, – объявил Томас. – Это такое неформальное название района частной застройки Петропавловска-Камчатского. Не самое лучшее место на нашей прекрасной планете, если по-честному. В-первую очередь, по криминогенной обстановке. Хотя, с точки зрения сегодняшних реалий российской глубинки, место самое обыденное, скучное и ничем непримечательное...

Кривобокие засыпные домишки ненавязчиво чередовались с серыми строениями барачного типа и с почерневшими бревенчатыми хижинами. Впрочем, встречались и огромные уродливые коттеджи, сложенные из красно-коричневого кирпича.

– Цыгане строятся, – не дожидаясь вопросов, пояснил Грин. – Торговля наркотиками, как всем известно, приносит неплохие деньги. Впрочем, вон та трёхэтажная кирпичная вилла принадлежит младшему сыну районного начальника полиции. Бывает. Наверное, обычное совпадение... А теперь мы въезжаем в центр города... Как оно тебе, Брут?

– Обыкновенный провинциальный городишко, – равнодушно пожал плечами Тим. – Причём, без какой либо конкретной архитектуры. Все дома мало-средне-этажные. Встречаются и откровенно-старинные – деревянные. И блочные пятиэтажки советской застройки. И разномастный новодел. Зима-лето-попугай, короче говоря... О, характерная табличка, мол: – «Ленинская улица». Примечательная такая деталь.

– Приехали, граждане...

«Тойота» уверенно припарковалась возле приземистого, явно-общественного здания, построенного, судя по всему, ещё до приснопамятной Перестройки незабвенного товарища Горбачёва. Белые «Жигули» неторопливо проехали мимо.

– Камчатский театр драмы и комедии, – покидая автомобиль, пояснил Грин. – Кстати, Брут, вполне приличное заведение, рекомендую. Здесь иногда очень даже неплохо ставят русскую театральную классику. Чехова там, Островского, Ампилова. Будет свободное время, посети обязательно. Не пожалеешь, обещаю... А нам – вон в тот переулок. Там расположена неплохая частная мини-гостиница. Будем, уважаемые сотрудники ЮНЕСКО, размещать вас на временный постой. Достаём из багажника носильные вещи и шагаем... Так, подождите. Только машину поставлю на сигнализацию.

– Пик-пик-пик, – доброжелательно пропела сигнализация.

– Двинули...

Они, подхватив рюкзак и два баула, двинулись в нужном направлении.

На Ленинской улице было достаточнолюдно, многочисленные прохожие, мешая друг другу, активно сновали по узким тротуарам в противоположные стороны. Поэтому и скорость передвижения была, отнюдь, невысокой.

Они прошли от силы метров сто двадцать-тридцать, когда со стороны Камчатского театра драмы и комедии тревожно завывло-запиликало:

– Иу-иу-иу!

– Стойте, – ставя кожаный баул на тротуар, скомандовал Томас. – Это моя автомобильная сигнализация сработала. Старенькая, постоянно капризничает. Надо отключить. Я быстро. Ждите...

Вежливо раскланиваясь со встречными прохожими, он двинулся назад.

А ещё через несколько минут визгливый женский голос отчаянно завопил:

– Мужчине плохо! Вызывайте «Скорую»!

– Здесь оставайся, – оперативно избавляясь от поклажи, велел Тим. – Вещи сторожи.

– Гав-в.

– Сторожи и никуда не отходи. Я сказал...

Он, умело продираясь сквозь толпу зевак, машинально отметил удалявшуюся тёмно-бежевую спину. Почему – отметил? Во-первых, спина была узкой, сильной и хищной. А, во-вторых, больно уж активно эта самая спина удалялась от места происшествия.

Грин безвольно лежал на тротуаре, крепко прижав ладони к животу, а из уголка его рта медленно вытекала-струилась тоненькая струйка ярко-алой крови.

«Не жилец», – всмотревшись в остекленевшие глаза приятеля, машинально отметил Тим.

Он осторожно подсунул ладонь правой руки под затылок Томаса, тихонечко приподнял его голову и спросил:

– Кто это был, дружище? Ты его узнал?

– Ш-ш-ш, – едва слышно прошипел Грин. – Ш-ш-ш...

– Кто? Ну, скажи, пожалуйста.

– Ша..., ша... Ш-ш-ш...

По телу Томаса пробежала болезненная судорога. Его глаза потухли и медленно закрылись.

– Умер, – невозмутимо известил кто-то из зевак. – Надо полицию вызвать...

Тим побежал прямо по проезжей части, ловко лавируя между встречными, отчаянно-сигналившими машинами. Естественно, в ту сторону, куда отправилась подозрительная хищная спина.

Вот, среди прохожих промелькнуло тёмно-бежевое пятно.

Неизвестный человек (злодей и убийца?), встревоженный частыми автомобильными гудками, обернулся.

«Пегая козлиная борода? Это же бич из аэропорта!», – опознал человека Тим. – «Только избавился, гад, от лохмотьев и переоделся в неприметный спортивный костюм... Ну, гнида штопаная, сейчас я тебя достану! Достану, и пока не прибыла доблестная российская полиция, проведу допрос. По жёсткой схеме проведу, понятное дело. По очень и очень жёсткой...».

Бич заметил погоню и тоже, расталкивая прохожих, побежал. А потом свернул в одну из боковых улиц.

Началась классическая погоня «в городских условиях»: переулки, улочки, проходные дворы, «прятки» среди рядов натянутых верёвок с постельным бельём, вывешенным на просушку, улочки, проулки, проходные дворы...

В какой-то момент впереди раздался тоненький звон.

«Это он какое-то холодное оружие выбросил», – понял Тим. – «Например, заточку. Или же нож-выкидуху...».

Очередной проходной двор. Крутой поворот. До бежевой спины оставалось порядка пятнадцати-семнадцати метров, а за ней возвышалась тёмно-красная кирпичная стена, покрытая жёлто-фиолетовыми лишайниками и густой сетью глубоких трещин.

«Вот и всё. Отбегали. Тупик», – притормаживая, мысленно усмехнулся Тим. – «Высота стены находится на уровне шести с половиной метров... Ну, что, дружок бородатый? Сразу сдашься? Или же, сугубо для разнообразия, чуток подерёмся, изображая из себя героев бодрых американских блокбастеров?».

Он не угадал. Неизвестный убийца, не снижая скорости, приблизился к кирпичной преграде вплотную и...

Раз, раз, раз, помещая пальцы рук в трещины на кладке, ловко перебрался через стену.

– Ну, надо же! – остановившись, расстроенно выдохнул Тим. – Человек-паук какой-то, мать его... Да, необычная техника преодоления высотных препятствий. Ничего не скажешь. Откровенно-нездешняя...

Глава вторая

Ворох информации и вулканический пепел

Дальше началась рутина. Серая такая, как форма у российских полицейских. А ещё очень скучная и, априори, бесполезная. Дача показаний в дежурной части, короткий и формальный разговор с прокурорским следователем, долгая и пространная беседа с неприметным сотрудником ФСБ.

Тиму в какой-то момент даже показалось, что этим служивым людям (и поодиночке, и всем вместе), хотелось только одного, а именно, незамедлительно арестовать его, Тимофея Белофф. Арестовать, а потом, применив самые разнообразные и изощрённые способы-методы, добиться признательных показаний... Признательных показаний – в чём? Ну, как же. Конечно, в преднамеренном и тщательно-спланированном убийстве Томаса Грина, канадского подданного. И если бы не «корочка» старшего инспектора ЮНЕСКО... То что, собственно, было бы? Да всё, что угодно. Кроме хорошего, доброго и светлого, ясен пень. Мать его пеньковую...

Уже потом, почти через пять с половиной часов, и Чак Мунтяну – глава Представительства «Фонда охраны дикой природы» на Камчатке – полностью согласился с этой версией.

Так-таки сразу и согласился?

Конечно же, не сразу. Сперва он приехал в «копайское» районное УВД (выброшенная заточка была обнаружена именно на их территории), вытащил Тима и Клыка из тамошнего ИВС (изолятора временного содержания), любезно помог сложить в автомобильный багажник рюкзак и баулы, усадил в машину, внимательно выслушал и только после этого согласился:

– Обычная и насквозь знакомая история. Указания Высшего руководства страны в России привыкли воспринимать буквально. Традиции такие, овеванные седой древностью.

– Это в каком же смысле? – заинтересовался Тим.

– Конечно же, сугубо в философском, – покровительственно усмехнулся Мунтяну (пятидесятилетний седовласый и хитрый румын). – Мол, всегда прислушивайся к речам непогрешимых Руководителей, транслируемых по центральным телеканалам, и будет тебе счастье. В том плане, что безудержный и однозначный карьерный рост. Или же, наоборот, сладкая стабильность. Тут, уж, кому как... Понимаешь, старший инспектор, совсем недавно здешний Премьер-министр выступал по телевизору. То бишь, пафосно вещал о наиважнейших целях и задачах, стоящих перед российским МВД и Прокуратурой. Из его слов выходило, что главный приоритет в деятельности местных правоохранителей – это не поиск и изобличение закоренелых преступников, а, наоборот, целенаправленная и эффективная профилактика преступлений... А как можно установить – проводилась ли кропотливая профилактическая работа? Или же нет?

– Не знаю, – по-честному признался Тим.

– Разочаровываешь ты меня, Брут, своей несообразительностью. Не ожидал. Это же так элементарно... Допустим, на конкретной территории было, вопреки всему и вся, совершено серьёзное преступление. Но оперативникам и следователям удалось раскрыть его в рекордно-короткие сроки, то бишь, по горячим следам. Значит – что?

– Что?

– А то, что серьёзная профилактическая работа – однозначно и без всяких сомнений – проводилась. Мол, работники полиции и Прокуратуры так хорошо знают окружающую их криминогенную обстановку, что раскрыли совершённое преступление почти сразу. Молодцы. Знать, правильно понимают высокие начальственные указания... Вот и с убийством Томаса Грина та же история. Сегодня российские правоохранительные органы заинтересованы найти и арестовать преступника как можно быстрее. Ну, очень-очень заинтересованы. Копытами бьют

и, буквально-таки, землю роют курносими носами ... Найти сразу не получилось? Жаль. Следовательно, и интерес начинает постепенно гаснуть-таять. А когда он полностью растает, то тогда на свет и родится очередной красавец «глухарь»...

– И зачем им это надо? Следователям и оперативникам? В плане, тупо исполнять начальственные указания и хотелки? Ради ускоренного роста по карьерной лестнице?

– Гав? – подключился с заднего сиденья Клык.

– Ну, вы, орлы островные, и даёте! – развеселился Мунтяну. – Какая – в одно всем нам известное место – карьера? Всё дело – сугубо в месте жительства. Петропавловск-Камчатский, если смотреть правде в глаза, является жуткой дырой – провинциальной, стабильно-сонной, законченной и полностью-бесперспективной. Полностью. И очень многие жители города мечтают – свинтить отсюда со страшной скоростью. В том числе, конечно, и работники правоохранительной системы... Но легко сказать – свинтить, а трудно это сделать. Практически невозможно... Кто этих потенциальных переселенцев ждёт там, на Большой Земле? Что с жильём? Что с работой? Да ничего хорошего, головняк сплошной и законченный... А если, допустим, выслужиться? То бишь, на деле доказать своё умение понимать – с первого же намёка – вышестоящих персон? И не только понимать, но и послушно следовать в нужном направлении? Глядишь, и переведут в какое-нибудь более приличное и цивилизованное место. Например, в Хабаровск или Владивосток. И даже в Новосибирск или Иркутск... Санкт-Петербург и Москва? Ну, это уже на уровне отвязанной фантастики и пьяненьких галлюцинаций... Значит, Брут, ты не видел лица убийцы?

– Нет, к сожалению, только спину. Я её подробно обрисовал ментам. В том смысле, что камчатским полицейским, мечтающим, по вашим же словам, босс, свинтить отсюда – со скоростью звука.

– Всё понятно. Поехали, коллеги, заселяться в гостиницу. Покушаете, отдохнёте. А уже завтра с утра попрошу заскочить ко мне в Представительство. По делу поговорим. Объясню ближайшие цели и задачи. Проинструктирую – относительно местных нравов и реалий. Денежек подкину – в качестве полевых и командировочных...

Получается, что Тим ничего толком и не рассказал – ни полицейским и следователю, ни главе Представительства «Фонда охраны дикой природы»? Ни про некое загадочное глобальное открытие, сделанное покойным Томасом Грином? Ни про нападение неизвестной троицы на автомобильную стоянку аэропорта? Ни про приставучие белые «Жигули»? Ни про оборванного бородатого бича, оказавшегося подлым убийцей?

Нет, не рассказал. Ни словечка. Даже не намекнул.

Почему?

Трудно сказать. Наверное, чисто по наитию. Не более того. Мол: – «Мой же друг погиб, а не чей-то там. Поэтому я лично разберусь с этим мутным и запутанным делом. Наизнанку вывернусь, но разберусь. И Клык мне в этом обязательно поможет. Справимся и вдвоём. Точка...».

Мини-гостиница, рекомендованная Чаком, оказалась на удивление приличной: чистенько, тихо, вежливый персонал, и Клыка поселили без всяческих проблем, то есть, даже не взглянув на толстую кипу справок и разрешений, предоставленную Тимом. Да и их студия-апартаменты никаких нареканий не вызвала: душ, туалет, стол, стулья, парочка шкафов, тумба с телевизором, удобная кровать, толстый коврик для пса, уютная кухонька, оборудованная в дальнем торце помещения. А когда по первой же просьбе в номер (уже через пять-шесть минут), были доставлены и все запрошенные продукты, Тим искренне зауживал малый российский бизнес.

Какие продукты были запрошены и доставлены? Те же, что и всегда: чёрный хлеб, помидоры, огурцы, сметана, соль, пельмени, крепкое пиво (в данном случае – «Балтика-9»), пяток

сырых куриных яиц и пару ломтей подкопчённого бекона (для утренней яичницы), а также говядина для верного хаски.

Пельмени были отварены, помещены в глубокую фаянсовую тарелку и облиты сметаной, банки с пивом вскрыты, говядина (аргентинская, как и на Шпицбергене), разморожена в микроволновке, порезана на порционные куски и выложена в широкую пластмассовую миску.

– Гав-в, – плотоядно облизываясь, предложил Клык, мол: – «А не пообедать ли нам? В том плане, что и поужинать заодно? А ещё было бы неплохо, братец, чтобы ты и информацией поделился, а то я, судя по всему, многое пропустил. Сперва в изоляторе парился. Потом бегал к луговому ручью на водопой. А после этого, и вовсе, сидя на тротуаре, вещи охранял. Так что, рассказывай. Только, если можно, поподробней, ничего не пропуская...».

И Тим – в перерывах между поглощением пельменей и пивным «бульканьем» – всё и рассказал. То бишь, то, что утаил от российских правоохранителей и Чака Мунтяну.

– Гав, гав, гав, – предварительно вылизав до блеска опустевшую пластмассовую миску, высказался пёс, мол: – «Печальная и запутанная история, спора нет. Неведомые глобальные открытия, способные перевернуть мировоззрение всего человечества, понимаешь. Слежка. Насквозь надуманное нападение на автостоянке. Бородатый оборванный бич, оказавшийся «человеком-пауком». Заточка, профессионально воткнутая в область солнечного сплетения. Хладный труп... Говоришь, что мобильный телефон Томаса бесследно исчез? Вместе с фотографиями, которыми он собирался хвастаться в Париже? Да, дела-делишки... Судя по всему, нам с тобой, братец, придётся знатно попотеть. Для того чтобы распутать это запутанное дело, я имею в виду. И попотеть, и головы на совесть поломать. Ничего, чай, не впервой. Справимся...».

– Конечно, справимся, – подтвердил Тим. – А с чего ты посоветуешь начать расследование?

– Гав, гав-в, – мол: – «Элементарно, Ватсон. Судя по всему, это загадочное глобальное открытие было сделано совсем недавно. Скорее всего, две-три недели тому назад. Может, и с месяц. Надо срочно установить, какие места инспектор Грин посещал в означенный временной отрезок и с кем плотно общался. Дальше – ничего сложного. Надо, просто-напросто, повторить открытие Томаса. А также выяснить, кому оно – как острый нож возле нежного горла. Ничего хитрого... Дружище, подложи-ка мне ещё говядинки. Если, понятное дело, не жалко...».

Утром – после лёгкой зарядки, стандартных туалетно-душевых процедур и плотного завтрака – они отправились в Представительство «Фонда охраны дикой природы».

Пешочком, естественно, отправились и за двадцать пять минут успешно дошагали до улицы Красинцев.

– Гав! – восторженно высказался Клык, мол: – «По местным периферийным меркам – самый натуральный небоскрёб. Этажей одиннадцать-двенадцать будет, не считая высокого цокольного и мансардных помещений... А как сусальным золотом в солнечных лучах отливает! Офигеть и не встать... Самый шикарный бизнес-центр в городе, понятное дело. ЮНЕСКО марку держит, как это и положено по высокому статусу...».

На ресепшне, рядом со стандартной металлической «вертушкой», их уже ждал заранее выписанный пропуск.

– Собак полагается пускать только в намордниках, – сурово нахмутив кустистые брови, сообщил пожилой охранник.

– Тяф, тяф, – просительно отметился Клык, мол: – «Я очень тихий, добрый и мирный. Практически щенок беззубый. Честное и благородное слово. Последним гадом буду... Пропустите, пожалуйста, милый и славный дяденька...».

– Да и не собака он, вовсе, – поддержал друга Тим. – А полноценный и заслуженный сотрудник славного «Фонда охраны дикой природы». Краса и гордость ЮНЕСКО, образно выражаясь. А ещё, ко всему прочему, и звезда многочисленных телевизионных репортажей

знаменитого медиа-холдинга «На Краю Земли». Да и на их сайтах целая куча фотографий этого героического пса выложена... Неужели не видели?

– Ладно, проходите...

Офис Представительства располагался на восьмом этаже здания.

– Можно? – приоткрыв нужную светло-серую дверь, поинтересовался Тим.

– Проходите, друзья, – радушно пригласил Чак Мунтяну. – Присаживайтесь, устраивайтесь и будьте как дома. Вот, кстати. Это, Брут, тебе, – указал рукой на чёрный кейс, лежавший на кресле тёмно-бордовой кожи. – Наследство от покойного инспектора Грина. Там находятся его путевые дневники, промежуточные отчёты и прочие рабочие материалы. На досуге обязательно ознакомься. Может, и пригодится, – печально вздохнув, пояснил: – Томас снимал двухкомнатную квартиру в частном секторе. Час назад я туда заскочил, да и вывез все вещички. Чемоданы с одеждой и прочими бытовыми мелочами отправим его родным, в Канаду. Вместе с телом. А кейс, он казённый, с инвентарным номером. То бишь, выданный Фондом для работы. Теперь, Брут, он к тебе переходит – как к полноправному приемнику выбывшего сотрудника.

– Странное дело...

– Что здесь странного, старший инспектор?

– Ну, как же. Я думал, что все вещи убитого сперва должен осмотреть следователь. И не только осмотреть, но и тщательно изучить. Вдруг, это поможет раскрыть преступление?

– Следствие уже завершено. Преступник пойман (заметь, по горячим следам, как и предписано!), полностью изобличён и даже дал чистосердечные признательные показания. Дело закрыто и готовится к передаче в суд.

– Как такое, мать его, может быть? – опешил Тим. – Не верю... И кто же, в конце-то концов, оказался убийцей? Кто?

– Не надо так напрягаться, Брут, – посоветовал седовласый румын. – Хладнокровнее надо быть... Кто, спрашиваешь, убийца? Наркоман с десятилетним стажем. Во всём сознался. Мол, находился в процессе хронической ломки, а денег на очередную «дозу» не было. Само нападение помнит плохо, как в тумане. Ударил чем-то, наспех обшарил карманы упавшего мужчины и убежал. Деньги из портмоне вытащил, а сам кошелёк выбросил в какой-то канализационный люк. В какой именно – не помнит. Трофейный мобильный телефон продал незнакомому гражданину на местном «блошином рынке». Про внешность покупателя ничего конкретного сказать не может. Так как сделка осуществлялась поздней ночью, в темноте, а сам он на тот момент уже находился под наркотическим «кайфом». Вот, собственно, и вся история.

– Полный и законченный бред! Наркоман с десятилетним стажем бегают по городу со скоростью спринтера? Причём, так, что я за десять-двенадцать минут погони не смог его догнать? А потом, и вовсе, находясь в состоянии хронической наркотической ломки, перемахнул – за несколько секунд и без особого труда – через кирпичную стену высотой в шесть с половиной метров? Ерунда ерундовая. Не верю...

– Может, и ерунда. А может, и нет. Как бы там ни было, но на ручке заточки (орудия преступления), обнаружены чёткие отпечатки пальцев именно этого наркомана.

– Серьёзно? – задумался Тим. – Это, конечно, всё меняет. Причём, полностью и в корне... Вот же, блин горелый. Кто бы мог подумать...

– Гав, – недоумённо помотал ушастью головой Клык.

– Ха-ха-ха! – неожиданно развеселился Мунтяну. – Ха-ха-ха! Вы что, сотрудники, притворяетесь? То бишь, «дурочку включили»? Или же всерьёз не догоняете? Естественно, что эти отпечатки «искусственные». То есть, оставленные уже задним числом. Скорее всего, на сегодняшнем рассвете, часов через пятнадцать-семнадцать после совершения убийства.

– Задним числом? Искусственные? Но это же незаконно... Хотя, о чём это я? Мы же в России...

– Вот, именно. И не надо, старший инспектор, так осуждающе качать головой. Как утверждает одна гениальная русская поговорка: – «В каждой избушке – свои погремушки...». Скажу вам по большому секрету, что и в моей Румынии тоже хватает мутных и скользких реалий, некоторые из которых даже покруче российских будут. Так всегда и везде бывает, когда Власти пекутся о чём угодно – только не о справедливости...

– Да вы, босс, философ, – криво усмехнулся Тим.

– Есть такое дело. К чему, собственно, скрывать? Впрочем, в нашем Фонде только философы и работают, а все остальные долго не задерживаются – очень быстро подают заявления об увольнении, после чего дружно отправляются на поиски более хлебных и тёплых мест... Наверное, интересуешься... Пардон. Наверное, сотрудники, интересуетесь, почему этот наркоман подписал признательные показания?

– Да, хотелось бы понять.

– Гав.

– Конечно, я ничего не знаю относительно того, как там всё было на самом деле. Но могу – с большой долей уверенности – предположить... Скорее всего, этот наркоман с десятилетним стажем – не просто наркоман, а ещё, вдобавок, и крупный сбытчик наркотиков, взятый с поличным. И срок ему светил немалый, вплоть до двенадцати-пятнадцати лет лишения свободы. Поэтому он и взял на себя убийство инспектора Грина. А полугодовой план по «раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ», на тот момент, предположим, был уже выполнен. Всё одно к одному...

– Сомнительная логика, честно говоря.

– Ничего и не сомнительная, – обиженно нахмурился Чак. – А, наоборот, стройная, железная и выверенная... За убийство без очагчающих обстоятельств в России нынче дают максимум десять лет лишения свободы. Так то – по максимуму. А судья, между прочим, и смягчающие обстоятельства может обнаружить. Мол, обвиняемый – на момент совершения убийства – находился в состоянии абстинентного наркотического синдрома. Типа – не контролировал своих действий... И получит молодчик, в конечном итоге, шесть с половиной лет общего режима. Отсидит половинку и выйдет на свободу – по условно-досрочному освобождению, за примерное поведение... Так что, состоялась взаимовыгодная сделка. Следователь (а также и все его прямые начальники), получили вожделенную «галочку», мол, раскрыли убийство «по горячим следам». Следовательно, занимаются профилактической работой в должном объёме, держат руку на пульсе и полностью контролируют местную преступную среду... Причём, попрошу заметить, раскрыли-то они не какое-нибудь там рядовое убийство, а убийство иностранного гражданина. Более того, сотрудника ЮНЕСКО. Что само по себе – дополнительный жирный «плюсик»... И наркоман внакладе не остался. Во-первых, срок себе сократил. А, во-вторых, на зону пойдёт по более «авторитетной» статье. Что в российском уголовном мире немаловажно. Короче говоря, все участники сделки остались довольны друг другом... Резюмирую. Лично у меня нет ни малейших сомнений в том, что Томас был убит, отбиваясь от уличных грабителей. Не захотел отдавать им кошелёк и мобильник, переоценил собственные силы, вот и... Судя по вашим кислым лицам-мордам, не верите в такую наипростейшую версию? Наверняка, думаете о каких-либо сложных интригах и коварных замыслах неизвестных злодеев? Напрасно, право слово. Жизнь человеческая, зачастую, очень проста и непритязательна. Поверьте, уж, старому и многократно-битому румынскому волку. Не хотите верить? Ну, как хотите... Тем не менее, продолжаю разглагольствовать. Осудят, мол не того наркомана? А какая, собственно, разница? И настоящий убийца, голову даю на отсечение, долго на свободе не проходит. Не на этом преступлении, так на следующем обязательно засыплется, будет осуждён и сядет в тюрьму. И ещё не факт, что выйдет живым и здоровым из мест лишения свободы. Российская система приведения наказаний в исполнение – та ещё штучка. Очередная национальная загадка. Иногда – сама по себе – расставляет все точки над буквами «и».

Причём, как правило, в правильных и нужных местах. Удивительное дело... Ладно, заканчиваем с местными криминальными хрониками и переходим к скучным профессиональным делам. Смотрим, сотрудники, сюда, – расстелил на просторном письменном столе подробную географическую карту. – Клык, запрыгивай на стул, не стесняйся... Итак. Ваша зона ответственности – бассейн реки Камчатки, а также нагорья, горы и вулканы, эту долину окружающие. Естественно, за вычетом территорий, относящихся к военному полигону РВСН «Кура» и отмеченных на моей карте тёмно-красным контуром... Видите? Что такое – РВСН? Ракетные войска стратегического назначения Российской Федерации, так называемый «сухопутный компонент стратегических ядерных сил» России. То бишь, «войска постоянной боевой готовности»... Внушает? То-то же, бродяги. Короче говоря, означенный полигон «Кура» вам надлежит обходить стороной. Чем дальше, тем лучше. Не приближаясь к нему на пушечный выстрел. Даже на два и три выстрела. Во избежание всяческих негативных и фатальных последствий. Впрочем, о полигоне я расскажу чуть позже... Сейчас – о главном. То есть, о подведомственном вам участке. Река Камчатка является однозначно-крупнейшей рекой полуострова. Ительмены (такая местная коренная народность), называют её – «Уйкоаль», что в переводе на русский язык означает – «Самая большая река». Считается, что длина Камчатки – от истока до устья – составляет около семисот пятидесяти километров. Это, понятное дело, если мыслить прямыми и ломаными линиями. Но Камчатка – самая извилистая речка в Море. Петляет, петляет, петляет. Обычные петли, двойные, тройные, обратные, восьмёрочные... Сколько можно, двигаясь на лодке вниз по её течению, намотать километров? Трудно сказать. Несколько тысяч, наверное. А ещё там наличествует множество проток и стариц, в которых заблудиться – раз плюнуть. И сотни тысяч озёр и озерков, расположенных на низких речных берегах. Целая водная страна, короче говоря... Бассейн реки Камчатки расположен в Центральной Камчатской впадине, которая отмечена на данной карте тёмно-зелёным цветом. А сама впадина зажата между западным Срединным и восточным Валагинским хребтами. Верхнее течение реки – горное и полугорное, а далее – классически-равнинное и даже судоходное в низовьях. Здесь, на реке, и располагается первый объект, входящий в так называемое «наследие ЮНЕСКО». Это ущелье «Большие Щёки», вытянувшееся примерно на тридцать пять километров. В этом месте у реки практически отвесные и очень высокие скалистые берега. Избалованные штатовские туристы, посетившие ущелье, уверяют, что Большие Щёки гораздо красивее и значимее большинства знаменитых каньонов Колорадо... На протяжении двух третей длинны русла Камчатка течёт в северном направлении, а возле населённого пункта Ключи резко поворачивает на восток. Вот, эти самые Ключи и располагаются в самом центре зоны твоей, Брут, ответственности...

– Гав!

– Вашей ответственности, вашей, извини. Ну, до чего же умный и сообразительный пёс... В Ключах покойный Томас снял-арендовал у какого-то местного мужика половину избы, снегоход, старенький вездеход и что-то там ещё. Причём, оплатил аренду до конца года. Так что, пользуйтесь. Смело можете заселяться. Адрес и соответствующие договора выдам завтра утром, уже перед вашим отлётом, вместе с билетами, деньгами, прочими документами и удостоверениями... Теперь по объектам «наследия», за которыми вам надлежит присматривать. Про Большие Щёки я уже сказал. Второй объект – реликтовая роща каменной берёзы, расположенная между реками Озёрной и Безымянной. Вот она, тыкаю карандашом. Что значит – реликтовая? Объясняю. Берёза каменная, она же берёза Эрмана, самая распространённая порода деревьев на Камчатском полуострове, доходит до самого Корякского нагорья. На юге – это достаточно серьёзное дерево, вырастает до двадцати метров в высоту и до восьми-десяти-девяти-сантиметров в диаметре. На севере и в горах всё несколько скромнее. Скажем, раза в два. Да и стволы деревьев бывают очень сильно искривлены. А вообще, каменная берёза – дерево-долгожитель. Доживает до трёхсот-четырёхсот лет... Так вот, реликтовая

роща. Она растёт на северном каменистом плато, обдуваемом сильными северо-восточными ветрами. Но все берёзы, вопреки общему правилу, очень высокие, разлапистые и с прямыми стволами. Более того, деревьям данной рощи (установлено с большой степенью достоверности), более полутора тысяч лет. Как, что и почему? Неизвестно. Очередная загадка камчатской природы... Ну, и ещё объекты «наследия» – два Мёртвых леса. Действительно, мёртвых. Один расположен на склонах вулкана Шивелуч, а второй – под вулканом Толбачик. Эти вулканы, время от времени, извергаются, причём, иногда – очень и очень серьёзно. Последний раз Шивелуч извергался «по-взрослому» в 1964-ом году, а Толбачик – в 1975-ом. И оба раза при этом образовывались «мёртвые» леса. То есть, вулканический пепел засыпал деревья по самую макушку и постепенно умерщвлял их. Потом воды и ветра разгоняли и уничтожали пепел, а деревья оставались стоять. Вернее, уже не деревья, а «деревянные мумии»... Так вот, ребяташки. Вы и должны старательно присматривать за этими четырьмя природными редкостями-диковинками.

– Присматривать – это как? – уточнил Тим, во всём обожавший полную и окончательную ясность.

– Гав?

– Ну, вы, друзья, и спелись, – умилился Мунтяну. – Напарнички... Хорошо. Ещё раз проверяемые вам ценные объекты. Надлежит не допускать их искусственной порчи. Во-первых, со стороны безалаберных местных жителей. Во-вторых, со стороны легкомысленных туристов. И, главное, со стороны всяких и разных хозяйствующих субъектов... Привожу конкретный и животрепещущий пример. ОАО «Безыманный геологический трест» решил построить крепкую дорогу: от Безымянного месторождения на восток, к старой армейской «бетонке», которая – в свою очередь – «вливается» в дорожный тракт, соединяющий посёлок Ключи с тихоокеанским побережьем. То бишь, с небольшим пирсом, к которому в судоходный сезон пристают различные морские корабли... Для чего тресту понадобилась эта дорога? Конечно же, для строительства горно-обогачительной фабрики. Золото на Безымянном месторождении расплыено в горных породах – примерно половина грамма на тонну, и его отделяют от прочего каменного материала с помощью флотации. Это такой метод обогащения полезных ископаемых, который основан на разных способностях минералов удерживаться на межфазовой поверхности, что – в свою очередь – обусловлено различием в удельных поверхностных энергиях... Впрочем, не буду пачкать вам мозги. Короче говоря, уже в будущем году по этим дорогам (по двум старым и новой), должны провезти очень серьёзное и тяжёлое оборудование. Например, только одна австралийская мельница-дробилка весит свыше шестидесяти тонн. Следовательно, и новую дорогу надо отсыпать на совесть... По первоначальному проекту задуманная дорога должна была проходить рядом с реликтовой рощей каменной берёзы. Да что там – рядом, практически задевая её северо-восточный край. Пришлось экстренно вмешаться в ситуацию. Мы с Грином встретились с местным Губернатором и нажаловались. Ну, и в московское Представительство ЮНЕСКО своевременно просигнализировали. В результате проведённых мероприятий (скандалы, они никому не нужны), в проект были спешно внесены существенные изменения, и теперь дорога обойдёт реликтовую рощу стороной, став при этом длиннее на добрых пятнадцать-семнадцать километров... Но, как известно, проект – проектом, а действительность – действительностью. Особенно здесь, в России. Поэтому вам и надлежит контролировать – на регулярной основе – данный геологический трест, дабы не допускались нарушения, могущие нанести камчатской первозданной природе невосполнимый урон... Ещё один важный момент. Наше Представительство взяло на себя (сугубо на добровольной основе), дополнительные обязательства, закреплённые в соответствующем Соглашении, заключённом с камчатским Правительством. Дело в том, что новая дорога будет пересекать на своём пути порядка пятидесяти пяти различных водотоков. В основном, это притоки рек Озёрная и Безымянная, три четверти из которых являются нерестовыми. И последний вариант проекта предусматривает прокладку

под строящейся дорогой соответствующих инженерных шпунтов, обеспечивающих беспрепятственный проход рыбы к традиционным местам нереста. В одних случаях, это металлические трубы большого диаметра. В других – металлические арочные конструкции (чтобы дно конкретной речушки не пострадало). Вы, коллеги, должны проконтролировать и этот строительско-экологический аспект... И вообще, данная дорога должна быть построена в строгом соответствии с проектом, прошедшим через российскую Государственную экспертизу. Только так, и никак иначе. ЮНЕСКО является организацией мирового масштаба и не должно ударить лицом в грязь. Мы оба, Брут, – и ты, и я – будем включены в состав Приёмочной комиссии. Естественно, со всеми вытекающими обязательствами и последствиями. Так что, халтура здесь неуместна... Всё, надеюсь, ясно?

– Так точно, – дурашливо козырнул Тим. – Разрешите вопрос?

– Задавай.

– А, вот, ракетный полигон «Кура». Что это, собственно, за зверь? И с чем, интересно, его едят?

– Гав-в! – тут же подключился Клык, мол: – «Ох, уж, эти вояки! Про них, вне зависимости от государственной принадлежности, такое по телевизору рассказывают – шерсть на холке непроизвольно встаёт дыбом... Поэтому хотелось бы четко и однозначно знать: придётся ли нам – в процессе повседневной работы – пересекаться с этой мутной братией в погонах?».

– Всё верно излагаешь, брат хвостатый, – одобрил Тим. – С армейскими прожжёнными деятелями – всегда и везде – следует держать ухо востро. Дыбы, неожиданно и внезапно, не попасть впросак... Поэтому, босс, уточняю свои вопросы. Где конкретно располагается «Кура»? Как близко по отношению к объектам «наследия ЮНЕСКО»?

– Вы, что же, молодцы brutальные, всерьёз общаетесь между собой? – изумился Чак. – Это не какие-то там фокусы, являющиеся плодом хитрой заполярной дрессуры, а... Впрочем, ничего удивительного. Наш Мир, как известно, очень сложен, многослоен и многогранен... Значит, полигон РВСН «Кура». Рассказываю. Координаты центра полигона: 57°20′ северной широты, 161°50′ восточной долготы. Расположен на полуострове Камчатка, в районе посёлка Ключи, примерно в пятистах километрах севернее Петропавловска-Камчатского, в болотистой и безлюдной местности бассейна реки Камчатки. Основное предназначение – приём головных частей баллистических ракет после испытательных и тренировочных запусков, а также контроль параметров их входа в атмосферу и точности попадания. Полигон был образован двадцать девятого апреля 1955-го года. Обустройство полигона началось первого июня 1955-го года силами приданного ему отдельного радиолокационного батальона. В короткие сроки был построен военный городок «Ключи-1», сеть дорог, военный аэродром и ряд сооружений специального назначения. В настоящее время полигон «Кура» продолжает успешно функционировать, оставаясь одним из наиболее закрытых объектов РВСН. На полигоне дислоцированы: войсковая часть 25522 (43-я отдельная научно-испытательная станция), войсковая часть 73990 (14-й отдельный измерительный комплекс), войсковая часть 25923 (военный госпиталь), войсковая часть 32106 (авиационная комендатура), войсковая часть 13641 (отдельная смешанная авиационная эскадрилья). Службу на полигоне проходит более тысячи офицеров, прапорщиков, контрактников и около двухсот пятидесяти солдат срочной службы. Для наблюдения за данным полигоном США содержат постоянную станцию наблюдения «Eareckson Air Station» (бывшая авиабаза «Shemya»), находящуюся примерно в девятьсот тридцати девяти километрах от «Куры», на одном из Алеутских островов штата Аляска... Последние значимые «принятия» полигоном серьёзных баллистических ракет. Седьмого октября 2010-го года – баллистическая ракета морского базирования «Булава», запущенная с борта атомной подводной лодки «Дмитрий Донской». Двадцать восьмого октября 2010-го года – «Синева» (РСМ-54), запущенная с борта подводного ракетополёта К-117 «Брянск». Двадцатого мая 2011-го года – ракета «Лайнер», запущенная с борта подводной лодки Северного флота К-84 «Екатеринбург»,

находившейся в акватории Баренцева моря. Девятнадцатого октября 2012-го года с космодрома «Плесецк» в Архангельской области был произведён учебно-боевой запуск межконтинентальной боевой ракеты «Тополь-М»... Теперь по объектам «наследия». Да, все они находятся недалеко от полигона. Вулкан Шивелуч располагается от границ «Куры» километрах в двенадцати-пятнадцати к северу. Толбачик же, наоборот, «подпирает» полигон с юга. До Больших Щёк – порядка тридцати пяти-шести километров. До реликтовой рощи каменной берёзы – немногим более ста... Хотите более подробно ознакомиться с обстановкой? Забирайте карту и кейс покойного инспектора Грина. Открывайте и вдумчиво изучайте его содержимое. Лишним, надеюсь, не будет...

Ужин они решили слегка разнообразить. Тим нажарил себе свиных отбивных с картошкой, а Клык воздал должное печени северного оленя, продававшейся в ближайшем магазине. Да и «Балтика-9» – сугубо ради разнообразия – была заменена на «Охоту крепкую».

После завершения вечерней трапезы Тим приступил к чтению путевых дневников Томаса, а Клык, искоса посматривая в сторону телевизионного экрана (с минуты на минуту должна была начаться любимая им программа «Время»), решил поделиться своими мыслями-соображениями относительно недавних событий, заявив:

– Га-в-в, мол: – «Недостатка в подозреваемых у нас нет. По крайней мере, некоторые персонажи местной драмы могли – пусть и теоретически – быть заинтересованы в убийстве инспектора Грина. Во-первых, это российские военные. Ну, если допустить, что Томас каким-то нелегальным образом пробрался на ракетный полигон «Кура» и обнаружил там нечто, непредназначенное для любопытных штатских глаз. Например, новое суперсекретное оружие. И не только обнаружил, но даже и сфотографировал его, подражая киношным шпионам, на мобильный телефон. Напомню, что убийца с поразительной лёгкостью забрался на кирпичную стену, чья высота превышала шесть метров. Типичный многопрофильный спецназовец, короче говоря... Во-вторых, это ребята из «Безымянного геологического треста». Мол, именно из-за «Фонда охраны дикой природы» им пришлось запроектировать дорогу длиннее на пятнадцать-семнадцать километров по сравнению с первоначальным вариантом. То бишь, дорожке на несколько миллионов долларов. Приличная сумма, ничего не скажешь. Совсем даже и не шутка. Вот, и решили – отомстить. Ну, и заодно других инспекторов Фонда доходчиво предупредить, мол: – «Не стоит, уважаемые господа, совать свои длинные иностранные носы в наши приватные камчатские дела...». В-третьих, это мистер Чак Мунтяну...

– Что такое? – оторвался от прочтения путевых дневников Тим. – Старина и миляга Чак, по твоему мнению, мог организовать убийство Томаса? Я не ослышался?

– Гав, – мол: – «А что здесь, братец, такого? Инспектор Грин сделал какое-то архиважное открытие, но решил, минуя своего непосредственного начальника, обратиться в центральную парижскую Контору. Обидно, да? А вдруг, там, действительно, что-нибудь серьёзное, пахнущее большими-большими деньгами и мировой славой? Румыны, насколько я знаю, они ребята хитрые, коварные и до денег ужасно жадные. Мобильный телефон с фотками, опять же, пропал. Так что, и данная версия имеет право на существование...». – Гав-в? – мол: – «А у тебя что? Прочёл бумажки?».

– Почти. Но ясности, к сожалению, не прибавилось. Всё весьма и весьма неоднозначно. И это я ещё достаточно мягко выразился.

– Гав? – не отставал любопытный хаски, мол: – «А можно чуть поподробнее?».

– Можно, – вздохнул Тим. – Судя по этим путевым дневникам, Томас последние три с половиной месяца провёл в районе Безымянного золоторудного месторождения. То есть, старательно изучал местность, по которой будет проходить будущая дорога. Осматривал многочисленные притоки рек Озёрной и Безымянной. Несколько раз посетил район реликтовой берёзовой рощи. Пять раз, как минимум, присутствовал на расширенных совещаниях, проводимых в рабочем посёлке золотоискателей... Но это никак не стыкуется со словами Сан Саныча Дуна-

ева, главного инженера «Безымянного геологического треста», сказанными им вчера в аэропорту, мол: – «Томас и был-то у нас на месторождении всего один раз. Повертелся-покрутился минут сорок-пятьдесят, а потом забрался на броню и укатил...». Ну, и кто же из них врёт? И, главное, зачем? Пока не понятно... Кстати, в кейсе обнаружилось и много...э-э-э, лабораторного материала. Во-первых, разнообразные обломки горных пород, аккуратно разложенные по картонным коробочкам. Во-вторых, кусочки чёрного стекла неправильной формы. В-третьих, многочисленные стеклянные баночки, заполненные непонятными серыми, тёмными и ярко-рыжими порошками... Что думаешь по этому поводу, друг лохматый?

– Гав-в, – предположил Клык.

– Думаешь? Мол, чёрное стекло – застывшая вулканическая лава? А разноцветная пыль – вулканический пепел? Это что же у нас с тобой получается?

– Гав!

– Считаешь, что старший инспектор Грин намеренно написал в своих походных дневниках неправду? Чтобы всех-всех запутать? Мол, в последнее время Томас и не думал контролировать строительство дороги от прииска «Безымянного», а отирался-ошивался совсем в других местах? То бишь, рядом с некими камчатскими вулканами, где и сделал своё загадочное открытие? Интересное кино. Ладно, разберёмся...

Глава третья

Размножение подозреваемых

На следующее утро они встретились в полупустом зале ожидания городского аэропорта.

– Привет лучшим сотрудникам, – водрузив на фанерное кресло-диванчик объёмную картонную коробку, поздоровался Чак. – Хорошо выглядите. В том плане, что бодры, веселы и полны позитивной энергии. Хвалю.

– Гав, – отведя глаза в сторону, негромко откликнулся Клык, мол: – «И вам, гражданин румынский начальник, не хворать. В том смысле, что гражданин подозреваемый...».

– Доброго утра, босс, – вяло отметил Тим, пребывавший в состоянии лёгкой задумчивости. – А что у вас в коробке?

– Не у меня, а у вас, коллеги. Это – стратегический валютный запас. То есть, полтора десятка бутылок с элитным алкоголем, который в тех краях, куда вы следуете, ценится на вес золота. В Ключах, конечно же, есть магазины, торгующие всяческими алкогольными напитками. Только, в подавляющем большинстве случаев, это местный контрафакт-самопал. То бишь, в посёлок – самыми различными путями – завозится большое количество питьевого спирта, который потом местные умельцы бадяжат-смешивают с разнообразными природными и химическими ингредиентами – в зависимости от имеющейся фантазии. Коньяк, виски, водка, настойки, наливки и даже «Мартини» – всё самопальное. Пробки, этикетки, колеретки и акцизные марки? Что-то завозят из Петропавловска, что-то печатают на месте с помощью цветных лазерных и струйных принтеров... Забирайте коробочку, короче говоря, и пользуйтесь по своему усмотрению. Сугубо для пользы общего дела, я имею в виду, а не для личного потребления.

– Обижаете, начальник.

– Гав!

– Верю, – насмешливо улыбнулся Мунтяну. – Вот, Брут, держи, – протянул тёмно-синюю пластиковую папку. – Здесь находятся все твои..., пардон, все ваши верительные грамоты: договора аренды, билеты на вертолёт, служебные удостоверения и прочие необходимые документы. Ещё в папку и компьютерный диск вложен – с проектом строящейся дороги. Рекомендую внимательно ознакомиться... А это, так сказать, ваша полковая казна, – извлёк из внутреннего кармана рыжего замшевого пиджака толстую пачку денежных купюр. – Подожди секунду, достану зарплатную ведомость и шариковую ручку. Распишись, пожалуйста, здесь и здесь. Вроде, ничего не забыл... Ах, да, голова садовая. Вот – ключи от гаража, в котором стоят арендованные Томасом снегоход с вездеходом... Ну, всё, орлы островные, удачи. Побегал. Дела. Всех благ. Созвонимся...

Глава камчатского Представительства «Фонда охраны дикой природы» торопливым шагом покинул зал ожидания, чуть не столкнувшись в дверях с невысоким упитанным дядечкой, облачённым в мятый светлый костюм.

– Гав-в-в, – прокомментировал Клык, мол: – «Раскланялись, глядя друг на друга волками лесными... Это, как я понимаю, он и есть – главный инженер «Безымянного геологического треста»?».

– Он самый... Ага, двинулся в нашу сторону. Наверное, желает пообщаться. Что же, поговорим. Не вопрос...

– Здорово, Брут, – поставив на бетонный пол обшарпанный чемодан средних размеров, протянул правую ладонь для рукопожатия Дунаев. – У-у, какая крепкая у тебя ручища. Чуть пальцы мне не сплющил в единое целое... А это, значит, твой пёсик?

– Гав! – педантично уточнил Клык, мол: – «Пёсика, старый перец, ты в зеркале поищи. А я – пёс. Причём, серьёзный, brutальный, зубастый и очень-очень суровый. Так что, мистер очередной подозреваемый, учти, пожалуйста, на будущее...».

– Сразу видно, что смыслённый и очень породистый. Чистокровный хаски? Одобряю. Отличный выбор... Тимофей, соболезнаю. Уже знаю, что вчера Томаса Грина убили. Сочувствую... Ты только это...

– Что? – выжидательно прищурился Тим.

– На нас не думай. То есть, на работников треста. Мол, решили отомстить за прошлогоднюю кляузу на имя здешнего Губернатора, после которой нас и заставили удлинить строящуюся дорогу почти на одну четверть. Трест здесь не при делах. Клянусь, чем хочешь.

– Хорошо, попробую не думать... А кто, Сан Саныч, мог желать Томасу смерти? Ну, по моему частному мнению? Так сказать, с высоты прожитых лет и знания здешних реалий?

– Да, кто угодно. В том плане, что, почитай, всё взрослое население Ключей.

– Это как же прикажешь понимать?

– Так, Брут, и понимай, – многозначительно шмыгнул носом Дунаев. – В Ключах всё гражданское население живёт за счёт заезжих туристов, скромных подсобных хозяйств и, в основном, красной рыбы, потому как с работой – труба полная. Половина посёлка эту рыбу добывает (незаконно, конечно же), а другая половина её перерабатывает, приводит в товарный вид и реализует-продаёт на Большую Землю. Ничего экстраординарного, если вдуматься. Каждый выживает – как может. Тем более что в бассейне реки Камчатки располагаются самые крупные рыбные ресурсы полуострова. В нерестовый период здесь появляются практически все виды рыб семейства лососевых: горбуша, кета, нерка, кижуч, чавыча, кунджа. Грех – в условиях повальной и хронической бедности – не воспользоваться этим удобным обстоятельством. С точки зрения местного населения, понятное дело... А инспектор Грин (в свободное от основной работы время), решил эту сложившуюся социально-экологическую систему разрушить и объявил поселковому браконьерству беспощадную войну. То бишь, собрал подробное и объективное досье о местных браконьерских базах, точках и маршрутах, оформил эти сведения в единую бумагу, да и отправил её в Петропавловск-Камчатский. Причём, по самым разным адресам: сразу в несколько губернаторских служб, в Прокуратуру, отдельным скандальным депутатам, относящимся к оппозиции, известным в крае журналистам, ну, и так далее, по расширенному списку... Замять ситуацию не удалось, впрочем, как и избежать скандала. Во-первых, слишком уж много высокопоставленного народа стало обладателями означенного компромата. Во-вторых, сигнал исходил от представителя ЮНЕСКО. Не хухры-мухры, такое трудно проигнорировать... Короче говоря, прошлой осенью в Ключах высадился мощный десант, состоявший из работников правоохранительных органов и слегка разбавленный представителями славного депутатского корпуса и официальной прессы. Ну, оно и завертелось по полной программе: возбуждённые уголовные дела, повальные обыски и аресты, судебные заседания, условные сроки, конфискация готовой продукции, моторных лодок, катеров и орудий лова. В конечном итоге, по моему мнению, годовой доход жителей посёлка сократился раза в два с половиной. Если, конечно, не больше... И за что, спрашивается, обитателям Ключей любить инспектора Грина? Не за что, если смотреть правде в глаза. Сунулся, понимаешь, со своим европейским цивилизованным уставом в кондовый российский монастырь...

– Гав-в-в, – печально помотал ушастью головой Клык, мол: – «Только этого нам и не хватало. Круг подозреваемых расширяется прямо на глазах. Причём, многократно. Блин горелый, как любит выражаться мой brutальный хозяин...». – Гав? – мол: – «А это ещё кто такой двигается к барной стойке? Станный тип. Здорово похож на североамериканского индейца (видел их по телевизору), только без перьев на голове...».

– Действительно, похож, – обернувшись, согласился с псом Тим. – Саныч, а кто это?

По залу ожидания, опираясь на массивный чёрный посох, неторопливо и величественно (и, вместе с тем, с явным трудом), вышагивал высокий сутулый старик, облачённый в живописный наряд. Длинный – почти до колен – бесформенный ярко-бордовый малахай, щедро расшитый разноцветными изысканными узорами и украшенный (почти во всех местах), длинной бежевой бахромой и многочисленными разномастными монетками, подвешенными на тонких нитях-шнурках. Широкие мешковатые штаны, пошитые из чёрной бархатистой ткани. На ногах – классические мокасины из лосиной шкуры. Лоб и щёки пожилого человека (тёмно-тёмно-коричневые), были щедро изрезаны глубокими кривыми морщинами, а длинные чёрные волосы собраны в две толстые косы, перетянутые-перевитые пурпурными лентами, и переброшены на грудь. На горбатом носу красовались пляжные очки с затемнёнными стёклами, а на подбородке наличествовала седенькая борода «а-ля Дерсу Узала».

– Шаман это, – равнодушно передёрнул плечами Дунаев. – Их нынче много развелось. Коммерция. Туристы, особенно московские и зарубежные, они страсть как падки на всякую пошлую экзотику. А если есть спрос, то и предложения непременно будут. Основной закон современной рыночной экономики... Так вот. Нынче во всех здешних местах, регулярно посещаемых щедрыми туристами, не протолкнуться от ушлой шаманской братии. Танцуют, в бубны бьют, длинные песни – якобы горловые – самозабвенно распевают. И денежку, понятное дело, собирают со всем усердием... Впрочем, данный конкретный шаман – особенный. То бишь, самый настоящий, без дураков...

– Расскажи, Саныч, – попросил Тим. – Кстати, а почему он в чёрных очках? Слепой?

– Нет, просто старенький, глаза слезятся от яркого света: и от солнечного, и от электрического. А по лесам и горам в пасмурный день Костька безо всяких очков разгуливает. Правда, медленно и только с посохом. Потому как старенький уже... Значит, рассказать? Хорошо, попробую. В том смысле, что перерасскажу чужие рассказы, сам-то я не местный, московского, так сказать, разлива... Костька появился в Ключах в далёком 1957-ом году. В мае месяце того года полигон «Кура» принял первую боевую ракету (кажется, Р-7), а в июле и Костька объявился. Пришёл в поселковое отделение милиции, совмещённое в те времена с паспортным столом, продемонстрировал справку «о личности», выданную в чукотском Анадыре (иладельменов тогда паспортами не баловали), и попросил зарегистрировать его в качестве оседлого охотника-промысловика, приписанного к Ключам... Вообще-то, так не полагалось. Мол, в каком субъекте страны тебе, представителю конкретного национального меньшинства, «личностную» справку выдали, в том и селись. Там же получай и статус оседлости, дающий право на получение продуктовых и, главное, водочно-табачных талонов. Но Костьку, не смотря на устоявшиеся советские нормы и правила, приписали, всё-таки, к Ключам. И полагающимися талонами одарили сразу на полгода вперёд. Неслыханное, между нами говоря, дело... Почему так случилось? Здесь мнения местных старожилов разделяются. Одни считают, что Костька, будучи сильным гипнотизёром-самоучкой, просто-напросто заморочил доверчивым милиционерам головы. Другие же утверждают, что он уже тогда был законспирированным сотрудником всесильного КГБ... Костька? Ну, это прозвище приклеилось к пришлому ительмену несколько позже, через несколько лет. А тогда, в июле 1957-го, его записали в поселковой Книге учёта как – «Кутхе Атэс». Мол, «Кутхе» – это имя. А «Атэс», наоборот, фамилия. Это уже потом выяснилось, что «Кутхе Атэс», в переводе с ительменского языка, означает – «Скрытный ворон». Или же – «Ворон, скрывающий тайну». Странная история, короче говоря... Как бы там не было, но уже через пару-тройку недель после регистрации Костька установил в Сиреновом распадке крепкий свайный балаган. Это такое летнее жилище ительменов. Сперва в землю вкапывают и фиксируют с помощью тяжёлых камней толстые брёвна, установленные вертикально. Потом, используя торцы этих брёвен в качестве надёжных опор, на высоте метра с небольшим над землёй (подальше от бурых лесных мышей, песцов, тарбаганов и хитрых лисиц), мастерят прямоугольную горизонтальную платформу, на которой и устанавливают пирамидальный шалаш,

сплетённый из толстых веток и крытый древесной корой, камышами и пучками трав. Получается – свайный балаган... А Сиреневый распадок – это такая уютная травянистая долина-лощина, расположенная на десять-одиннадцать километров к северу от полигона «Кура» и примерно на столько же километров восточнее относительно вулкана Шивелуча. Хорошее место для охоты, рыбалки и собирательства всяких дикоросов... Осенью Костька и надёжную зимнюю полуземлянку сладил. Как и полагается с бревенчатыми стенами, проконопаченными сухой травой и обложенными дёрном, плоской крышей и очагом, сложенным из специального камня. А после этого зажил нехитрой жизнью обычного ительмена. На мясо добывал камчатского бурого медведя, горных баранов и диких северных оленей, а излишки продавал в Ключах. Шкурки рыжих лисиц, куниц, чернобурок и песцов сдавал в потребкооперацию, вернее, менял на одежду, патроны, муку, соль, сахар, чай, водку, табак и различную хозяйственно-бытовую мелочь. В реках – с мая по сентябрь – промышлял рыбу: чавычу, нерку, кету, горбушу, гольца, кижуча. Летом и осенью собирал на границе лесов и заливных лугов различные грибы-ягоды, а также листья-стебли кипрея (для заварки камчатского чая), сарану (клубневое растение, заменяющее у ительменов картошку), и черемшу. Долгими зимними вечерами плёл циновки, корзинки и снегоступы, свивал из специальных засушенных трав верёвки и нитки... Тихо жил Костька (из непривычного для русского слуха – «Кутхе» и образовалось это прозвище), незаметно и необременительно для окружающих. В Ключах появлялся нечасто. В разговоры вступал неохотно. В гости не ходил и к себе никого не приглашал... А в семидесятые годы ушедшего века по посёлку поползли упорные слухи, мол: – «Не так и прост этот темнолицый Костька. Он же только прикидывается безобидным тихоней, а на самом-то деле является самым натуральным шаманом... Да-да, шаманом! Представляете? Говорят, что уже многие годы к нему в Сиреневый распадок – по поздней осени и ранней весне – регулярно навешиваются ительмены из Тигильского района⁶. Целыми семьями, перебравшись через Срединный хребет, приезжают на оленьих и собачьих упряжках. Костька им длинные и заунывные песни – под удары в бубен – поёт. А потом долго рассказывает всякие старинные легенды, сказания и предания. Часы напролёт рассказывает. А тигильские ительмены, дурилки доверчивые, Костьку, приоткрыв рты, внимательно слушают. Более того, потом, дружно прослезившись, руки ему, оборотню коварному, нацеловывают по очереди...». Всё это казалось очень-очень странным и совершенно неправдоподобным. Во-первых, у ительменов в роли шаманов – в девятнадцати случаях их двадцати – выступали пожилые женщины. Во-вторых, бубнами ительменские шаманки (в отличие от чукотских шаманов), никогда не пользовались. В-третьих, преодолеть на оленьих и собачьих упряжках Срединный камчатский хребет было куда как непросто и рискованно... Что же заставляло тигильских ительменов совершать этот трудный путь? Причём, туда-обратно и целыми семьями? Вопросов было много, а ответов – ноль. Делать нечего. Пришлось главному поселковому милиционеру забираться на броню старенького вездехода и лично выезжать в Сиреневый распадок... Вернулся он оттуда рассеянным, задумчивым и молчаливым, а на все вопросы отвечал благостным и однообразным мычанием, мол: – «Всё нормально. Негативная информация не подтвердилась. Никакой Костька и не шаман, а, наоборот, сознательный охотник-промысловик. Более того, он и светлым идеалам социализма не чужд. Так что, болтуны и болтушки, уймись. И, главное, помните, что за преднамеренное распространение ложных слухов предусмотрена уголовная ответственность...». И здесь мнения жителей Ключей не совпали. Одни решили, что всему виной, конечно, гипнотизёрские способности замаскированного шамана. Другие же лишь понимающе перемигивались между собой, мол: – «Всем уже давно известно, что Костька плотно и усердно сотрудничает с героическим КГБ, не будь к ночи помянутым...». А потом навалились бестолковые и голодные

⁶ Тигильский район – административно-территориальная единица и муниципальный район в составе Камчатского края. Административный центр – село Тигиль.

восьмидесятые. Вернулись талоны на водку, табак, продовольствие и мыло. Началась приснопамятная горбачёвская Перестройка. Развалился некогда могучий СССР. Появились рэкетеры, депутаты и жулики всех мастей... Стало не до всякой ерунды, и про Костьку забыли. Мол, помер, наверное, в своём Сиреновом распадке. Обычное дело по тем Временам мутным и неверным... Но в 1999-ом году, незадолго до наступления нового века, Костька вновь появился в Ключах. Но только теперь не в качестве немывотого и нищего охотника-промысловика. Нет-нет. Сегодня господин Кутхе Атэс – всеми уважаемый и успешный бизнесмен. Более того, Президент «Ассоциации шаманов Камчатки». Старенький, конечно, но всех своих собратьев по ремеслу держит в рукавицах ежовых. По точкам расставляет. Сценарии представлений утверждает. Договора на проведение шаманских корпоративных вечеринок подписывает. Отчёты принимает. Финансовые потоки контролирует и распределяет. Ну, и так далее... У Костьки (он и сам себя так часто величает, видимо, с гордыней совсем не дружит), нынче в Ключах солидный офис открыт. Менеджеры в чёрных костюмах там трудятся, девицы длинноногие. Впрочем, сам-то он по-прежнему проживает в Сиреновом распадке, в полном одиночестве. Правда, в комфортабельном сборно-щитовом канадском домике, возведённом на месте ветхого свайного балагана. А офисом руководит, в основном, по спутниковому телефону. Ну, и в Ключи изредка наведывается на маленьком французском вертолёте, которым сам и управляет... Костька позавчера в Петропавловск по вертолётным делам и прилетел. То есть, для прохождения ежегодного ТО. Масло машинное поменять, гидравлику проверить, навигационное оборудование обновить. Натуральный ительменский буржуин, выражаясь по сути... Почему он устроился у барной стойки и не улетает? По той же прозаической причине, что и мы. Сейчас над Центральной Камчатской впадиной висит плотный и высокий туман. Нелётная погода, короче говоря. Ждём, когда распогодится. И мы ждём, и Костька...

«Самый настоящий шаман», действительно, уселся-взобрался на высокий стульчик и, аккуратно прислонив свой чёрный посох к барной стойке, о чём-то оживлённо беседовал с худосочным барменом.

– Гав-в? – предложил Клык.

– Попробуй, конечно, – подумав с минуту, разрешил Тим. – Почему бы, собственно, и нет?

Пёс, ловко лавирую между фанерными креслами-диванчиками, направился к барной стойке.

– Куда это он? – заинтересовался Сан Саныч.

– С шаманом знакомиться. Так, чисто на всякий случай. Вдруг, да и пригодится.

– Шутка такая?

– Я, что же, похож на шутника? – нахмурился Тим. – На какого конкретно? Неужели, на кривляку Евгения Петросяна?

– Нет, не похож, – заверил Дунаев. – Ну, ни капельки. Это я просто так ляпнул. Типа – к слову пришлось. Не обижайся... Ага, твой хаски, слегка помахиывая хвостом-кренделем, присел возле барной стойки. Теперь, кажется, тявкает. Или же гавкает... Смотри-ка ты, Костька заинтересовался. Вроде как разговаривает с псом... Точно, общаются. Ну, надо же... А теперь Костька обернулся и машет рукой. Брут, это же он тебя зовёт.

– Схожу, пожалуй, – поднимаясь на ноги, решил Тим. – Пожилой человек, как-никак. Шаман заслуженный. Надо уважить. Точка... Саныч, будь другом. Присмотри за вещичками.

– Присмотрю, конечно. Только ты это...

– Что?

– Поосторожней будь в разговорах.

– Это в каком же смысле?

– А безо всякого смысла, – непонятно вздохнул Дунаев. – Поосторожней, и всё тут. Непрост наш Костька. Ох, как непрост...

– Приветствую, дяденька Ворон, – подойдя к барной стойке, вежливо поздоровался Тим. – Долгих вам лет жизни. И коммерческих успехов, понятное дело.

– Муза нсунск⁷, – задумчиво поглаживая ладонью правой руки седую бородку, хриплым голосом проворчал в ответ шаман, после чего попросил: – Посмотри-ка мне в глаза, путник.

– Смотрю.

– Ещё, хр-р-р, смотри.

– Смотрю...

– Ладно, можешь больше не смотреть.

– Спасибо. Меня зовут – «Брут».

– Я знаю. Хр-р-р. Извини, стар уже. Хриплю. Прожитые годы-сволочи клокочут в груди. Клокочут и клокочут без роздыха... Мне Клык о тебе рассказал. Очень смышлёный пёс.

– Я знаю, – улыбнулся Тим.

– Хорошо улыбаешься.

– Хорошо – это как?

– Предлагаю прерваться, – неожиданно предложил Костыка. – То есть, переселиться. Хр-р-р... Вон за тот одинокий столик, – указал тёмно-бурым морщинистым пальцем. – Чтобы никто не мешал. И не подслушивал... Ты как, Брут, не боишься серьёзных разговоров? Молодец, путник... Иван Иванович, – обратился к молоденькому худосочному бармену. – Мы переезжаем. Хр-р-р. За самый дальний стол. Туда и мой заказ тащи. Только предварительно умножь его на два. И для пёсика оленьей грудинки настругай в миску. Самой жирной. Всё на мой счёт запиши. Как и всегда. Хр-р-р... Спасибо. Типа – заранее...

Они перебазировались за дальний стол.

– Хорошо – это как? – усаживаясь на массивный табурет, повторил свой вопрос Тим.

– Как молодой и сильный зверь, хр-р-р, – по правой морщинистой щеке шамана пробежала лёгкая судорога. – Но – при этом – ещё умный и справедливый. Я и говорю, мол, хорошее сочетание. Редко, хр-р-р, встречается...

– Польщён. Дяденька Ворон... Ничего, что я вас так называю?

– Ничего. Тебе – можно. Только «дяденьку» опусти. И на «ты» обращайся. Не люблю, хр-р-р, когда вольные люди, не связанные между собой иерархическими и коммерческими отношениями, друг другу «выкают».

– Неудобно как-то, – неуверенно хмыкнул Тим. – Разница в возрасте, как-никак. И жизненный багаж разный.

– Неудобно – с голодным медведем спать в тесном балагане, хр-р-р... Возраст? Ерунда. Время – материя призрачная и неверная. Годы текут как песок сквозь пальцы. Оглянуться не успеешь, как станешь древним стариком. А если повезёт, то и патриархом большого семейства. Отцом, дедушкой, прадедушкой. Хр-р-р. Если, конечно...

– Если, конечно, что?

– Если, хр-р-р, не пристрелят в одной из славных и отвязанных эскапад, – задумчиво всхрапнув, пояснил Ворон. – Глаза-то у тебя, путник проходящий, хорошие. Мол, потенциальный долгожитель. Но, как говорится, наш Мир полон всяких и разных случайностей. Неожиданных, незапланированных, невероятных и – в конечном итоге – фатальных, увы, хр-р-р... Удивляешься, почему я так говорю? Не смыслу сказанного удивляешься, а форме? Мол, все заслуженные камчатские шаманы прямо-таки обязаны говорить короткими и рублеными фразами? Всё верно. Стереотипы надо уважать. Без них – никуда. Хр-р-р... Заметь, Брут, что у барной стойки я примерно так и говорил – коротко и рублено. А здесь, без посторонних ушей, можно себя и не сдерживать...

⁷ Муза нсунск – ительменское приветствие, дословный перевод: – «Мы ещё живы».

– А вот и я! – объявил молодой фальцет, и возле их столика появился худосочный бармен с прямоугольным подносом в руках. – Ваш заказ доставлен. Водочка – два графина по четыреста грамм. Чёрный хлебушек. Черемша солёная. Чавыча с душиком. Орляк маринованный. Копчёный китовый язык. Вяленая медвежатина. Оленья грудинка для собаки...

– Гав!

– Пардон, для пса.

– Спасибо, Иван Иванович. Уважил, хр-р-р... Брут, помоги добру молодцу сгрузить угощения с подноса. Миску Клыка пристрой на полу. И водку разливай по рюмашкам. До краёв, понятное дело. Чтобы жизнь была – как чаша полная...

Тим, выполняя шаманское поручение, размышлял про себя: – «Очередной странный человек повстречался на моём жизненном пути... По внешнему виду, пожалуй, ительмен. По крайней мере, именно так описывают ительменов в Интернете. Высокое переносье, в меру плоское лицо, выступающие полные губы, тёмный цвет лица... Глаза? Типично шаманские. То бишь, узкие, чёрные и неподвижные, словно бездонные древние колодцы... А вот, ухватки и манера говорить... Не знаю, честное слово. Что-то европейское в Вороне ощущается. Или же не европейское? А какое тогда? Непонятно... И ещё одна странность. Шаману, судя по всему, уже далеко за восемьдесят, а в его чёрных волосах-косах нет ни одного седого волоса. Ни единого. Смоль сплошная. А бородка, наоборот, седенькая...

– Ну, за знакомство, – провозгласил тост Костька. – Вздрогнули... Закусывай, Брут, закусывай. Черемшу настоятельно рекомендую. Ох, и ядрёная. Хр-р-р... Ну, путник, обменяемся мироощущениями?

– Обменяемся, не вопрос.

И они обменялись. То есть, поговорили – между дежурными и немудрёными тостами – о всяком и разном. И о высоких материях, и о грубых реалиях сегодняшнего дня...

А когда водка закончилась, и трапеза уверенно подходила к концу, Ворон, загадочно щури угольно-чёрные глаза и неторопливо перебирая коричневыми пальцами нефритовые чётки, извлечённые из нагрудного кармана малахая, поинтересовался:

– Наверное, путник любопытный, хочешь узнать, кто убил бедолагу Томаса Грина?

– Конечно, хочу, – насторожившись, подтвердил Тим. – И кто же?

– Паланцы.

– Э-э-э...

– Это такая разновидность береговых коряков. Хр-р-р... Проживают на северо-западе полуострова, между посёлком Усть-Вояполка и деревней Лесная.

– Понятно... А за что убили-то?

– За дело, – невозмутимо объявил шаман. – По ранней весне, когда ещё везде лежал наст, инспектор Грин на снегоходе добрался до верховий реки Озёрной. Хр-р-р... А там, в нагромождении скал Срединного хребта, располагалось Капище паланцев – тайное, древнее и заветное... Зачем он разорил Капище? О чём думал? Наверное, о деньгах и славе. Не иначе, хр-р-р... Короче говоря, Томас сложил в рюкзак амулеты, подвешенные к Главному идолу. То есть, сперва срезал ножом, а потом сложил. Самого же идола спилил, обмотал верёвкой, её конец прикрепил к снегоходу и увёз ценный трофей в неизвестном направлении. Подписав, тем самым, собственный смертный приговор. Хр-р-р... Сколько паланцев сейчас проживает на Камчатке? Что-то около шести сотен. И две трети из них – люди вполне даже дееспособные. То есть, способные на убийство...

– Гав-в, – окончательно загрустил Клык, мол: – «Что же за день такой сегодня? Подозреваемые размножаются практически в геометрической прогрессии. Сперва к их перечню добавилось несколько тысяч взрослых жителей посёлка Ключи. А теперь ещё и порядка четырёх-

сот камчатских аборигенов. Хреновый и неожиданный поворот... И что со всем этим теперь прикажете делать?».

Глава четвёртая

Посёлок Ключи

К их столу – в очередной раз – вернулся худосочный молоденький бармен и, уважительно склонившись над тёмно-коричневым морщинистым ухом шамана, что-то почтительно зашептал.

– Спасибо, родной, – с видимым трудом поднимаясь на ноги, душевно поблагодарил Ворон. – Хороший мальчик. Понимающий, хр-р-р. Может, к зиме и на работу к себе переманю. Старшим специалистом по связям с российской и международной общественностью. Если, конечно, надумаю открыть в Петропавловске полноценный офис. То бишь, филиал. Хр-р-р... Поддай-ка мне посох. Благодарю... Ну, а с вами, Брут и Клык, вынужден попрощаться. Хр-р-р... Распоедилось, всё же, над Центральной Камчатской впадиной. Туман частично растаял. А частично, как и полагается, откочевал к Тихому океану. Диспетчеры, наконец-таки, дали добро на взлёт, хр-р-р... А вы-то, путники, чего забеспокоились? Не суетитесь понапрасну. Вам ещё ждать и ждать. Часа два с половиной, не меньше. Пока пилотов найдут и извлекут из ресторана на втором этаже. Пока в чувство приведут. То, да сё. Хр-р-р... Поэтому, не напрягаясь, отдыхайте... Вань, ты псу-то ещё оленьей грудинки принеси – в качестве добавки. А его хозяину брутальному – литровую баночку пива австралийского. Светлого и крепкого. Он его обожает, хр-р-р... Ладно, новые знакомцы. Прощаюсь. Не насовсем, конечно. Свидимся ещё, Бог даст. Держи, Брут, мою визитку. Звони, если соскучишься. Поболтаем. На сегодня – всё. Хр-р-р...

Ворон, тяжело опираясь на посох, и поддерживаемый под локоток предупредительным барменом, величественно проследовал в дальний торец зала ожидания и вскоре скрылся за одной из служебных дверей.

– Гав? – оживился Клык, мол: – «Как оно тебе, приятель?».

– Ты же знаешь, что я водку не люблю, – брезгливо поморщился Тим. – А черемша, действительно, оказалась ядрёной. Теперь, понятное дело, пару суток изо рта будет нестерпимо вонять, и, что характерно, никакая зубная паста с жевательной резинкой не помогут... Копчёный китовый язык? Да, своеобразная и вкусная штукавина. А, вот, вяленая медвежати́на мне откровенно не понравилась. Прогоркла́я какая-то, с неприятным химическим привкусом...

– Гав!

– Так ты не про еду-питьё? А про шамана Костьку?

– Гав-в!

– Не знаю, честное брутальное слово. С одной стороны, конечно, серьёзный, заслуженный и умный человек. Я бы даже сказал – однозначно-авторитетный...

– Гав?

– С другой? – усмехнувшись, переспросил Тим. – А с другой стороны, искусственный он какой-то. Понты сплошные и надуманные. То бишь, некое тайное двойное дно явственно ощущается... Ага, официант возвращается. Тащит пиво и грудинку северного оленя... Облизываешься? Слюна потекла? Ну-ну...

Минут через пять-шесть, тщательно вылизав длинным тёмно-розовым языком опустевшую миску, Клык известил:

– Ик... Гав-в-в, – мол: – «Ужасно вкусно. Непередаваемо, неправдоподобно и волшебное... Я, конечно же, на Шпицбергене вкушал оленью грудинку. Но это были уже пожилые животные, на отстрел которых изредка выдают лицензии. У неё даже цвет был другой – слегка сероватый и подозрительный. А эта – нежно-нежно-розовая, очень сочная и пахучая до полного сумасшествия... Её бывшему хозяину, скорее всего, и года ещё не исполнилось. Нехорошо это, понятное дело. То бишь, гуманизмом и не пахнет. Ладно, пусть тематическими

морально-правовыми аспектами занимаются местные журналисты и депутаты. Им, в том числе и за это, неплохие деньги платят... А что у тебя, братец, с физиономией? Пиво не понравилось? Старое, наверное. Из самой Австралии, как-никак, везли. Морем, не иначе...

– Из Австралии? – брезгливо отодвигая полную на две трети пивную банку в сторону, криво ухмыльнулся Тим. – Не смей меня, приятель.

– Гав?

– А, вот, так и понимай... Помнишь, Сан Саныч говорил, что, мол, в Ключах практически весь алкоголь является самопальным? Похоже, что не только в Ключах. В этой банке, к примеру, налита обыкновенная «Охота крепкая», в которую щедро капнули питьевого спирта. Гадость редкостная, страшная и неудобоваримая, вызывающая стойкую тошноту. А стоит данная баночка, скорее всего, порядка десяти американских долларов. Прибыль – на уровне трёхсот полновесных процентов, если не больше... Да, старина Карл Макс, пожалуй, во многом был прав. Во многом. Если, понятное дело, не во всём. Точка... А что, кстати, ты думаешь по сомну подозреваемых?

– Гав-в-в, – мол: – «По-прежнему считаю, что убийство Томаса напрямую связано со сделанным им открытием. Поэтому поселковых браконьеров и геологов-золотоискателей из перечня подозреваемых можно смело исключить. Остаются российские военные, коряки-паланцы и румын Чак Мунтяну.

– Паланцы и открытие? – засомневался Тим. – Слабенькая версия, на мой взгляд... Хотя, это как посмотреть. Ворон же чётко сказал, мол: – «Томас сложил в рюкзак амулеты, подвешенные к Главному идолу...». Понимаешь, амулеты? А вдруг, среди них было что-нибудь инопланетное? Например, в незапамятные времена в районе камчатского Срединного хребта разбился межзвёздный корабль инопланетян, а любопытные паланцы, усердно покопавшись в космических обломках, нашли нечто. Нашли и закрепили-подвесили на своём Главном идоле. Ладно, разберёмся. Если отыщем спиленного идола, то, вполне возможно, и похищенные амулеты найдутся... Итак, исчезнувший паланский идол и ракетный полигон «Кура». Займёмся, понятное дело. Только не сразу. Сперва обустроимся в посёлке и несуетливо осмотримся по сторонам. Дополнительной информацией обростём. Потом выедем на Безымянное месторождение – ведь надзора за строительством дороги никто не отменял. Ну, а после этого и приступим... Так, покидаем гостеприимный столик и возвращаемся к Санычу. Надо с вещами разобраться. Вернее, с картонной коробкой, презентованной Чаком. Ну, как её транспортировать? У меня же, в конце-то концов, не сто рук. Распишу бутылки с алкоголем в рюкзак и по баулам, да и все дела...

Через два с половиной часа, как и обещал Ворон, объявили посадку на вертолёт.

– Придётся, дружище Клык, надеть на твою благородную собачью физиономию намордник, – объявил Тим.

– Гав!

– Предлагаешь не торопиться? Мол, вдруг, не потребуют? Хорошо, будем дожидаться отдельной команды. Не вопрос...

Отдельной команды – касаясь собачьего намордника – так и не последовало. Пожилая мрачная тётка в мятой «аэрофлотовской» форме равнодушно проверила у пассажиров рейса билеты и, небрежно махнув рукой, велела:

– Ступайте, хлопчики, вон в ту дверь. Как выйдете на лётное поле, так сразу направо и поворачивайте. Мимо вертолёта не пройдёте. Там не заперто, смело залезайте. Только сверх меры, пацанчики, не безобразничайте...

Кроме Тима, Сан Саныча и Клыка в Ключи направлялись ещё двенадцать пассажиров – все достаточно молодые, шумные, чуть-чуть хмельные и навьюченные серьёзными рюкзаками.

– Питерские конкуренты, – исподволь бросая на молодых людей косые взгляды, прошептал-прошипел Дунаев. – Проводят геологоразведку на Озерновском рудном поле. Вскоре тоже задумаются о дороге к побережью. Только будут её отсыпать вдоль другого, то бишь, левого берега реки Озёрной... Построить через речку мост и эксплуатировать нашу строящуюся дорогу совместно? Мол, так всем будет экономически выгоднее, и, кроме того, дикая природа Камчатки пострадает меньше? Да, наверное, это так. Но, увы, совершенно невозможно. Скорее небо упадёт в Авачинскую бухту, чем питерцы договорятся – о чём-либо – с москвичами...

Ми «восьмой» был откровенно-стареньким, с облупившимися жёлто-синими бортами. Рядом с ним не наблюдалось ни единой живой души, и питерские геологи-буровики, долго не думая и заговорщицки пересмеиваясь, тут же залезли внутрь вертолёт. Вскоре оттуда долетели характерные «пшики».

– Пивком балуются, – тут же определил Тим.

– Не балуются, а разминаются, – поправил опытный Сан Саныч. – Скоро и на водочку перейдут. Потому как молодые ещё. Избыточная энергия играет в одном месте, перехлёстывая порой через край... Ничего, полгода проторчат на месторождении, пообещутся, хлебнут лиха и слегка поугомонятся. Проходили уже в своё время. Как же... Когда мы полезем внутрь данного летательного аппарата? Может, через полчаса. Или, к примеру, через полтора. То бишь, когда загулявших пилотов отыщут и приведут в чувство... Кстати, Брут, а предстоящий-то полёт, он не из простых будет. Эксклюзив голимый и навороченный, достойный включения в знаменитую Книгу рекордов Гиннеса.

– И в чём тут фишка?

– По техническому паспорту дальность полёта Ми-8ПА составляет четыреста восемьдесят километров. А нам, учитывая маршрутные рельефные загогулины, предстоит пролететь порядка шестисот.

– Следовательно, будем делать промежуточную посадку? – предположил Тим. – Типа – для дозаправки?

– Ничуть не бывало. Безо всяких дозаправок полетим. И, что характерно, долетим... Какие такие хитрые технические секреты применяются? Во-первых, в Ми-8ПА предусмотрено двадцать восемь посадочных мест, но данный рейс на борт более пятнадцати пассажиров никогда не берёт. Во-вторых, вместо трёх штатных членов экипажа будет только два. В-третьих, на этой «вертушке» установлен более ёмкий бак для топлива, чем это предусмотрено заводскими документами. А, в-четвёртых, говорят, что в горючее здешние умельцы добавляют какие-то химические присадки... Ничего хитрого, если вдуматься. Обыкновенная русская смекалка. Привыкай, Брут...

Только через полтора часа к вертолёту, в сопровождении давешней мрачной тётки, подошли пилоты: низенький хлипкий старичок и высокий румяный юноша лет двадцати двух-трёх.

– Пассажирам – занять места, указанные в билетах! – густым шалыпинским басом неожиданно рявкнул визуально-пьяненький старичок. – Быстро у меня, бродяги неприкайные! Влетаем через семь минут...

В салоне вертолёт было от души накурено, да и устойчивый алкогольный перегар царил практически безраздельно: питерские геологи, оценив степень камчатской анархии, развернулись по полной и расширенной программе.

«Места, указанные в билетах?», – мысленно хмыкнул Тим. – «Никаких табличек с номерами здесь не наблюдается. Как, впрочем, и кресел, к которым означенные таблички и должны были бы крепиться. Вдоль бортов оборудованы широкие деревянные скамейки, а все вещи свалены посередине салона, в одну общую кучу. А два юных бородатеньких геолога, и вовсе, восседают на брезентовых раскладных стульчиках. Комфорт неземной, мать его комфортную...».

Они даже не успели толком устроиться, а двигатель уже надсадно загудел, вертолётные лопасти начали активно вращаться, и уже через пару-тройку минут Ми-8ПА, болезненно вздрогнув, уверенно оторвался от земли...

Сам полёт Тиму не понравился. Во-первых, пикник питерских буровиков продолжался: сизые клубы табачного дыма, пьяный галдёж, чавканье, «солёные» бородатые анекдоты, сплошной мат-перемат, жаркие карточные ссоры и громкое пение под раздолбанную и толком ненастроенную гитару. Во-вторых, очень неудобно было наблюдать через иллюминаторы за местностью, над которой они пролетали: приходилось постоянно выворачивать шею, от чего последняя нещадно затекала.

Сперва вертолёт пролетал над лесами и лугами. Потом внизу обнаружилось жёлто-бурое нагорье, по краям которого располагались приземистые кратеры вулканов и чёрные скалистые горы, чьи вершины прятались в низких светло-серых облаках. Где-то примерно через час на месте скучного нагорья возникла обширная речная долина.

– Искомая река Камчатка, – объявил Сан Саныч. – Теперь – до самых Ключей – пойдём над её руслом, игнорируя, естественно, все эти многочисленные и изысканные петли...

Река упрямо извивалась, изгибалась и усиленно петляла. Изредка на её берегах возникали населённые пункты.

– Елизово, – время от времени скупо комментировал Дунаев. – Мильково... Майский... Козырёвск...

К исходу третьего часа полёта старенький Ми-8ПА заметно устал: начал, время от времени, значимо подрагивать, а также резко, без предупреждений, «нырять» в разные стороны и вниз. Самочувствие питерских гуляк заметно ухудшилось: все легкомысленные разговоры стихли, а им на смену пришло глухое покашливание, сопровождавшееся дружным болезненным оханьем.

В какой-то момент даже терпеливый Клык не выдержал и несколько раз подряд жалобно взвизгнул, мол: – «Совершенно дурацкий и непотребный вид транспорта! Болтает и болтает. Того и гляди, стошнит... Опа, опять рухнули в очередную воздушную яму. Мать его... Как же блевать хочется. Прямо-таки неудержимо... А ещё и не видно ничего толком... Братец, надо будет по прилёту – в обязательном порядке – разжиться дельным мотодельтапланом. Ну, очень надо... Как, вообще, можно бесппроблемно жить-существовать без надёжного и комфортабельного мотодельтаплана? Или, допустим, гидромотодельтаплана? А?».

– Никак нельзя, – согласился с псом Тим. – Попробуем разжиться. Обещаю. Точка.

– Подлетаем к Ключам, – любезно предупредил Сан Саныч. – Ухватись, Брут, покрепче. Одной ладонью за скамейку, а другой – вон за ту кожаную петлю, свисающую с потолка...

Предупреждение оказалось своевременным – вертолёт, резко накренившись по отношению к линии горизонта, заложил широченную дугу.

– Гав-в-в! – неуклюже повалившись на бок, от души возмутился Клык, мол: – «Что творите, сукины дети? Уроды грёбанные и недоделанные. Фокусники хреновы, а не дисциплинированные российские пилоты. Из-за вас, гнид пьяненьких, спиной ударился о ножку скамьи. Уточняю, о железную и ребристую ножку. Так вас всех и растак. Оптом и в розницу. И в хвост, и в гриву...».

За иллюминаторами дружно замелькали местные пейзажи: извилистая речная долина, множество крохотных озёр, ярко-зелёные ковры лесов и лугов, поселковые дома и домишки, тёмно-коричневые горы и, конечно же, величественные вулканы.

Наконец, вертолёт приземлился.

– Попрошу на выход, господа, граждане и товарищи! – насмешливым басом объявил пилот. – Вещички попрошу не забывать. Включая, понятное дело, пустые банки и бутылки, целлофановые пакеты из-под чипсов, а также промасленные газеты, в которые были завернуты

бутерброды с ливерной колбасой и жареные куриные окорочка. И про окурки, мать вашу раз-
вратную, не забывайте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.